

Г. НИКОЛЬСОН

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ
ИСКУССТВО

Г. НИКОЛЬСОН

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

ЧЕТЫРЕ ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ
ДИПЛОМАТИИ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

Вступительная статья и общая редакция
А. Е. БОГОМОЛОВА

Издательство
ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
Москва 1962

THE EVOLUTION OF DIPLOMATIC METHOD
by
HAROLD NICOLSON

*Being the Chichele Lectures
delivered at the University of Oxford
in November 1953*

LONDON
CONSTABLE & CO LTD

Перевод и комментарии
С. А. БОГОМОЛОВА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Об авторе. Гарольд Никольсон — английский дипломат и историк, перу которого принадлежит ряд книг по истории дипломатии и дипломатической практике.

В 1941 году в Советском Союзе была издана широко известная книга Г. Никольсона «Дипломатия», а в 1945 году — «Как делался мир в 1919 году».

Г. Никольсон родился в семье крупного английского дипломата Артура Никольсона (лорда Карнока), который, в частности, в 1906—1908 годах занимал пост британского посла в Петербурге.

Как это нередко бывает в семьях западных дипломатов, Г. Никольсон пошел по стопам отца и в 1910 году поступил на дипломатическую службу, начав ее с самых скромных должностей. Он работал в английском министерстве иностранных дел, в дипломатических представительствах Великобритании в Мадриде, Константинополе, Тегеране и Берлине, а также в Лиге наций. Во время Парижской мирной конференции 1919 года Никольсон был одним из секретарей английской делегации. В 1929 году он вышел в отставку с должности советника английского посольства в Берлине, сменив деятельность дипломата на более спокойное научное поприще.

Обладая обширной эрудицией и известным дипломатическим опытом, Никольсон в сравнительно короткое время приобрел широкую известность своими научными изысканиями, и особенно упомянутой выше работой «Дипломатия», изданной накануне второй мировой войны.

Предлагаемая читателям новая книга Г. Никольсона «Эволюция дипломатического метода» вышла в свет в 1954 году и представляет собой курс лекций, прочитанных авто-

ром в Оксфордском университете. Эта новая работа заслуживает внимания не только потому, что содержит интересный фактический материал о развитии дипломатической техники в западноевропейских государствах, но и потому, что дает представление о том, чему учит будущих английских дипломатов такой знаток и авторитет в этой области, как Г. Никольсон.

Как понимал автор основную задачу своих четырех лекций? В отличие от тех авторов, которые ставили перед собой цель практически помочь дипломату в его работе, как, например, Э. Сатоу в своем «Руководстве по дипломатической практике» (переведено на русский язык), Г. Никольсон пытается дать широкие обобщения по вопросам метода дипломатии, опираясь на некоторые факты из дипломатии со времен древней Греции и до наших дней. Книга Никольсона показывает, что он не хотел повторять и брошюру Ж. Камбона «Дипломат» (также имеется в русском переводе), в которой автор дал ряд интересных примеров из истории, но отвел сравнительно мало места искусству переговоров. Г. Никольсон определяет дипломатию только как искусство переговоров и ставит своей задачей проследить эволюцию метода переговоров от гомеровских времен до наших дней. Автор отделяет искусство переговоров от внешней и внутренней политики государств, выступавших на мировой арене в течение этого огромного периода времени, что, конечно, искажает методологическую сторону его работы. Никольсон опасается также установления слишком тесной связи между искусством переговоров и международным правом.

Все это обедняет его книгу и требует предварительных пояснений к тексту, который по своему фактическому содержанию представит несомненный интерес не только для специалистов-международников, но и для широкого круга советских читателей. Стремясь научно обосновать ограничение объекта исследования узкими рамками искусства переговоров, Никольсон делает попытку опереться на солидные, по его мнению, источники. Еще в своей книге «Дипломатия» он рекомендовал читателям придерживаться определения дипломатии, которое дается в Оксфордском английском словаре: «Дипломатия — это ведение международных отношений посредством переговоров; метод, при помощи которого эти отношения регулируются и ведутся послами и посланниками; работа или искусство ди-

пломата»*. Это определение дипломатии неисторично и крайне абстрактно, но и оно кажется Никольсону слишком широким, поэтому он пишет: «Взяв это точное, хотя и широкое, толкование для руководства, я надеюсь избежать как сыпучих песков внешней политики, так и болот международного права»**.

Как видно из этого толкования определения дипломатии в Оксфордском словаре, Никольсон хотел бы совсем отмахнуться от вопросов внешней политики, хотя в рассматриваемом определении имеется указание на то, что дипломатия — это ведение международных отношений посредством переговоров. В своей новой книге Никольсон остался верен своим позициям 30-х годов в толковании термина «дипломатия».

Новый труд Никольсона даже в своем названии подтверждает стремление автора к возможно более узкому истолкованию задач этой работы.

Чтобы все было ясно, автор сразу объяснил своим слушателям содержание курса лекций: «Этим четырем лекциям я дал общее название „Эволюция дипломатического метода“». Поставив слово «метод» в единственном числе, автор, по-видимому, хотел сказать, что он исследует все многообразие применяемых на практике дипломатических методов, сводя их к некоторому общему знаменателю — методологии дипломатических переговоров, и ставит перед собой задачу проследить эволюцию этой методологии.

Во избежание различного толкования содержания книги Г. Никольсон пишет: «Слово «эволюция» не означает непрерывный прогресс от зачаточных методов к совершенным. Напротив, я надеюсь показать, что международные сношения всегда были подвержены странным приступам регресса. Слова «дипломатия» и «дипломатический» будут означать не внешнюю политику или международное право, а искусство ведения переговоров. Понятие «метод» будет включать в себя не только сам порядок проведения переговоров, но и общую теорию, в соответствии с которой он осуществлялся». Своими уточнениями автор откровенно избавляет себя от необходимости связать свое исследование с проблемами исторических этапов в развитии общества и их влияния на внешнюю политику. Он полностью изоли-

* Г. Никольсон, Дипломатия, Госполитиздат, 1941, стр. 20.

** Там же.

руется от классовой борьбы и революций, разрушавших отжившие социально-экономические формации для того, чтобы проложить дорогу новым, более прогрессивным формациям человеческого общества. Автор изолирует себя и от дипломатии как инструмента внешней политики господствующего класса и его государственной власти в антагонистических обществах. Что касается дипломатии СССР и всей мировой социалистической системы, то автор с ужасом отмахивается от нее и старается просто не заметить того, что был современником Великой Октябрьской социалистической революции.

Замечания по содержанию книги. Первая лекция Г. Никольсона начинается с утверждения, что зародыши дипломатии, и в том числе дипломатического иммунитета, можно предполагать уже у пещерных людей с того момента, когда они «рассудили, что было бы выгодно условиться с соседями о разграничении охотничьих угодий. Такие соглашения о границах существуют и в животном мире, что особенно заметно у небольших птиц».

Охотничьи участки действительно существуют в природе у некоторых животных. Не исключено, что они были и у наших отдаленнейших предков, но это было только одним из явлений эволюции зоологических видов. Из всего животного мира только предки человека научились изготавливать орудия труда и в процессе труда выделились из животного мира как человеческое общество. У животных и «небольших птиц» осталась только эволюция их как зоологических видов, а у первобытного человека началась история как члена человеческого общества. Путать зверей и людей, то есть биологизировать общественные отношения, это, конечно, грубая и, может быть, преднамеренная ошибка: уж слишком явно стремление Г. Никольсона представить дипломатию как вечную категорию, которая всегда существовала и никогда не исчезнет. Такие приемы представляют для Никольсона спасительный клапан, при помощи которого он пытается отделаться от сложных вопросов возникновения и развития первобытного общества, на высшей стадии которого развилась собственность, возникло рабство — первая форма эксплуатации человека человеком, а вместе с ним образовалось и государство, хотя бы в самой зародышевой форме.

Вполне допустимо, что еще до возникновения классового общества и государства существовали межродовые и

межплеменные отношения с какими-то очень простыми переговорами и даже соглашениями. Но это, конечно, еще не была та дипломатия, которую мы знаем и изучаем в истории классового общества, когда она стала частью политической надстройки в этом обществе, являясь одним из средств осуществления внешней политики классового государства.

После краткого историко-социологического введения, о котором говорилось выше, Никольсон переходит к тому, что ему хорошо известно,— к историческим документам раннего и более позднего Афинского рабовладельческого государства, возникшего на развалинах патриархального родового общества. Здесь уже можно говорить о том, как складывалась дипломатия с ее переговорами, иммунитетом послов и т. д.

С этого момента Никольсон, хороший знаток фактического материала, начинает мастерски излагать свой предмет со свойственным ему даром недюжинного популяризатора.

Древняя Греция. После шутливого замечания о том, что дипломаты древней Греции имели своими покровителями бога Гермеса и даже самого Зевса, Никольсон переходит к расшифровке древнегреческих терминов и высказываний, связанных с первыми шагами дипломатии. Здесь уже можно найти сведения о дипломатических переговорах того времени, а также о различных типах соглашений.

Давая оценку положению дипломатов в античном обществе, Никольсон пишет, что греческая демократия проявляла столь большую подозрительность в отношении собственных дипломатов, что миссии обычно составлялись из нескольких послов, представлявших различные партии и взгляды, что, конечно, приводило к политическому разброду внутри миссии и снижало эффективность ее деятельности. Знаменитый оратор и дипломат Демосфен, приехавший для переговоров в Македонию в составе такой миссии, даже не хотел спать под одной крышей со своими коллегами.

Резюмируя описание таких странных особенностей древнегреческой дипломатии, Никольсон пишет: «Представляется курьезным: для чего такому разумному народу надо было допускать сохранение столь негодного метода дипломатических сношений». Этим замечанием Никольсон невольно подтверждает ошибочность отрыва дипломатии от политики, и не только внешней, но и внутренней.

Автор не сделал бы такого замечания, если бы он мог позволить себе обратиться к марксистской исторической литературе, например к такой блестящей научной работе, как книга Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В этой работе Г. Никольсон увидел бы, как мучительно рождалось рабовладельческое Афинское государство на развалинах родового строя, погибшего в результате развития частной собственности на землю, товарного производства и торговли. Энгельс на большом материале убедительно показал, как развивалась эксплуатация человека человеком среди свободных греков, как в результате этого росла ожесточенная борьба между крупными и мелкими землевладельцами, как зародилось долговое рабство, как укреплялась прослойка богатых торговцев и преуспевающих ремесленников, а также другая прослойка — городская беднота. Эта ожесточенная внутренняя борьба привела к реформам Солона в 594 году до н. э.

По конституции Солона были отменены долги, и все закабаленные кредиторами греки стали свободными. Рабство было сохранено только для пленных. С увеличением количества рабов-иноземцев усилилось и Афинское государство, охранявшее рабовладельцев и их общественный строй. Возник основной антагонизм между рабовладельцами и рабами, но наряду с ним сохранились социальные противоречия между различными прослойками свободных греков, что нашло свое отражение, в частности, и в личном составе греческих дипломатических миссий.

Рабы были исключены из жизни общества, а свободные греки вовсе не были равны, и между их различными фракциями шла напряженная партийная борьба. В Афинском Совете пятисот (представители от десяти племен свободных греков) эти внутренние распри проявлялись в самых острых разногласиях. Аналогичные разногласия, и, быть может, в более наглядном виде, имели место в Народном собрании. Этим объясняется и возмущение Демосфена медлительностью принятия решений со стороны совета и Народного собрания, где приходилось, как цитирует Г. Никольсон, «отстаивать внесенное предложение перед лицом несведущей и часто недобросовестной оппозиции».

Демосфен в своей речи против Эскина обвиняет афинян в том, что они безучастно ожидают катастрофы и не принимают мер для собственного спасения. Никольсон усмотрел

вдесь прежде всего осуждение Демосфеном «методов дипломатии, выработанных великой афинской демократической республикой», а на самом деле из речи Демосфена, который лично не был противником рабовладельческого строя, можно было бы извлечь аргументы для осуждения этого строя, впавшего в противоречие с самим собой. Развитие рабовладения, с одной стороны, было показателем роста могущества Афинского государства, а с другой стороны, порождало величайшую слабость всего строя. Большинство свободных греков погибало или нищало в бесконечных войнах и междоусобицах, богатела только олигархическая верхушка этого общества, что приводило все общество, весь этот строй к неизбежному ослаблению и в конечном счете к гибели под ударами иноземных полчищ варваров, естественными союзниками которых становились рабы.

Главную причину беспорядочности и неэффективности древнегреческой дипломатии Никольсон видит в том, что на дипломатические переговоры решающее влияние оказывала «толпа». Такой вывод Никольсона нельзя считать случайным. Являясь противником «открытой» дипломатии, Никольсон стремится даже на фактах глубокой древности доказать необходимость такого типа дипломатии, которая ограждала бы внешнюю политику правительств от воздействия со стороны народа.

Римская империя. Переходя к дипломатии Римской империи, Г. Никольсон не позаботился показать особенности этой империи по сравнению с Афинским государством и другими государствами древних эллинов и их завоевателей. Он сразу начинает с того, что римляне могли бы показать образцы более квалифицированных методов дипломатических сношений, но «не преуспели в этом по вине своего величия... и стремления... навязать свою волю другим народам вместо того, чтобы вести переговоры на основе взаимности».

Римская империя пришла на смену Афинскому государству и империи Александра Македонского. Она была также рабовладельческим государством, но впитавшим в себя исторический опыт Афинского государства с его высококультурной культурой. Вместе с тем Римская империя обладала более мощной социальной базой на Апеннинском полуострове, и государство свободных римлян было куда более сплоченным. Отсюда возникла возможность проведения захватнической политики, которая преследовала цель приобретения новых обширных территорий и новых рабов

или данников, составлявших основу могущества Римской империи.

Никольсон хотя и не одобряет римскую дипломатию, но все же признает, что она сделала несколько шагов вперед по сравнению с дипломатией Афинского государства. Однако вместе с тем Никольсон утверждает, что методы римской дипломатии не применимы к обществу, состоящему из национальных государств и построенному на принципе их равенства. Такое утверждение Никольсона справедливо только в том смысле, что нельзя повторить внешнюю политику рабовладельческого общества в эпоху капитализма и тем более империализма, как высшей и последней стадии развития капитализма. Что же касается империализма, как политики захвата чужих земель и покорения чужих народов, то тут соотечественник и современник Г. Никольсона Дж. А. Гобсон в своей известной книге «Империализм», изданной в Лондоне в 1902 году, подходит гораздо ближе к истине, чем Никольсон.

В. И. Ленин положительно отозвался об этом исследовании Гобсона, указав, что оно содержит «очень хорошее и обстоятельное описание основных экономических и политических особенностей империализма»*. В Ленинских «Тетрадах по империализму» содержатся многочисленные выписки из этого сочинения Гобсона, и в частности говорится следующее: «**Новый** империализм по существу ничем не отличается от своего древнего образца» (Римская империя). Он такой же *паразит***». В. И. Ленин, не занимаясь сравнительным изучением дипломатических приемов древнего Рима и, например, империализма Великобритании, в то же время выписывает из сочинения Гобсона такие опасные для концепции Никольсона выводы английского ученого: «Организация больших туземных армий, вооруженных „цивилизованным“ оружием, вымуштрованных „цивилизованными“ методами, под начальством „цивилизованных“ офицеров, являлась одной из наиболее характерных черт *последних этапов развития великих восточных империй, а затем и Римской империи*. Она оказалась одним из *опаснейших изобретений, придуманных паразитизмом*, в силу которого население метрополии вру-

* В. И. Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22, стр. 183.

** В. И. Ленин, Тетради по империализму, Соч., т. 39, стр. 413—414.

ает защиту своей жизни и имущества в ненадежные руки покоренных племен* под командой честолюбивых проконулов». Далее Гобсон пишет, что по этому пути Великобритания пошла дальше всех и, например, Индия была в ольшинстве сражений завоевана туземными войсками под омандованием английских офицеров.

Никольсону отлично известно, что британская дипломатия в своей внешней политике успешно пользовалась имским принципом «разделяй и властвуй», а также и методами подкупа представителей паразитической верхушки колониальных народов, делая это более квалифицированно, чем простоватые римские политики и дипломаты. Уже поэтому ли Никольсон так отмежевывается от империалистических методов римской дипломатии?

Англичане, конечно, не берут заложников из среды аристократии своих колоний, но охотно обучают их детей в Англии и засылают своих миссионеров в колонии. Это тоже практично и сулит некоторые дополнительные выгоды в политике. Умалчивая об этой английской практике, Никольсон, напротив, забавно рассказывает о двух английских «заложниках» в Париже в 1748 году, которые в качестве живых гарантов выполнения Аахенского мира пролегли несколько приятных месяцев, слоняясь по кабакам и театрам Парижа.

Итальянская система. Переходя к итальянской системе дипломатических методов, Никольсон проявляет нескрываемое раздражение при ее оценке. При этом он по-прежнему уклоняется от исторического анализа, который мог бы объяснить многие пороки и недостатки этой системы. Основной источник этих пороков Никольсон видит за Востоке. (Ох, уж этот коварный Восток!) Известно, что венецианцы были учениками византийских дипломатов, а потом сами стали наставниками монархов Западной Европы и их министров в дипломатическом искусстве переговоров. Чтобы не очень уж бранить венецианцев, Никольсон хвалит их за почин в создании великолепного архива дипломатических документов, хорошо обработанных и занесенных в специальные описи. Тут с Никольсоном согласятся все дипломаты и историки: систематизированные документы — полезнейшее дело. Никольсон вполне справедливо одобряет хорошую информацию послов Венеции

* В. И. Ленин, Тетради по империализму, Соч., т. 39, стр. 394—395.

из центра о политическом положении в своей стране, а равно и в других странах. Это полезное начинание и поныне используется всеми министерствами иностранных дел.

Никольсон возмущен применявшимися в итальянской системе дипломатии методами обмана, двурушничества и подкупа, а также свойственной ей крайней подозрительностью. Он пишет: «Свою хрупкую государственность, свои жалкие средства обороны они пытались дополнить дипломатическими комбинациями. Даже по сей день итальянское слово «комбинации» имеет зловещий смысл. Сознывая эфемерность своего существования, эти деспоты и олигархи добивались только ближайших результатов. Они и не помышляли о ценности политики дальнего прицела или о создании атмосферы взаимного доверия». Никольсон невольно описал то, что было типичным для раздробленности феодального строя и его дипломатии весьма мелкого масштаба. Идеологом этой «комбинационной дипломатии» Никольсон считает Никколо Макиавелли, хотя и с некоторыми оговорками. Здесь Никольсон впал в историческую ошибку. Макиавелли был идеологом ранней абсолютной монархии и в конечном счете выразителем чаяний и надежд формировавшейся итальянской буржуазии, для которой феодальная раздробленность была тяжкими оковами, а создание крупного и сильного, хотя бы и дворянского, государства было все же лучшим выходом, чем дикий произвол враждовавших между собой мелких феодалов или слабых итальянских республик. Не случайно К. Маркс считал Макиавелли, Гоббса и Спинозу прогрессивными мыслителями своего времени, изображавшими силу как основу права. Все трое написали крупные работы, посвященные вопросам создания прочной государственной власти. Макиавелли сам был дипломатом и насмотрелся на итальянские «комбинации» в их самом отвратительном виде. За десять лет до завершения своего основного труда «Государь» Макиавелли дал «Описание того, как избавился герцог Валентино от Вителлоццо Вителли, Оливеротто да Фермо, сеньора Паоло и герцога Гравина Орсини»*. На страницах этого труда, как в капле воды, Макиавелли отразил мерзость феодальной дипломатии с ее обманом, предательством, нарушением клятв и убийствами, применявшимися по са-

* Н. Макиавелли, Сочинения, т. I, М.—Л., 1934, стр. 143—153.

ым мелким и гнусным соображениям. Через десять лет своем «Государе» Макиавелли с подлинной страстностью выступил против классического феодализма и изложил теорию создания крупного государства. У Никольсона совершенно выпали описание и анализ дипломатии феодализма, его нападки на итальянскую систему только показывают, каких муках происходил процесс распада классического феодализма, уступая свое место более высокой ступени развития — феодально-дворянской абсолютной монархии, в рамках которой ранний капитализм получил более широкие возможности для своего развития.

Г. Никольсон с явной досадой отмечает успехи книги «Государь» в Западной Европе, куда переместились из Италии центры развития новых капиталистических отношений. Такие монархи, как Карл V, Филипп II и Генрих IV, с большим вниманием прислушивались к советам Макиавелли. И это понятно: они стремились обуздать и подчинить себе феодалов и создать прочную власть в интересах крупного дворянского землевладения, но в то же время покровительствовали молодой буржуазии в городах, извлекая начительные выгоды из развития цеховых ремесел и торговли. Товарное производство все шире и шире охватывало крестьянство, что приводило ко все большему росту противоречий между крестьянством и дворянством, а также между городами с их купеческим и ремесленным населением, с одной стороны, и феодально-дворянской и церковной властью — с другой. Примерно таким же путем происходил распад феодальных удельных княжеств на Руси. Возвышение Москвы и «собрание земель» московскими князьями также вели к созданию абсолютной монархии, заинтересованной в урегулировании отношений с соседями, в получении новых торговых путей и т.д. Постепенно возникали ации и национальные государства, но все это происходило в результате длительного исторического процесса и далеко не сразу было понято современниками. На церковном соборе в Пизе в 1409 году все участники, и в том числе послы католических государей, были разделены на четыре нации: итальянскую, французскую, германскую и испанскую. Понятие «нация» было еще очень туманным, и к «германской нации» были отнесены Германия, Англия, Дания, Швеция, Норвегия, Чехия, Польша и Венгрия. «Итальянская нация» также не составляла действительного единства, которое пришло более чем через четыре столетия. У фран-

дузов, англичан и испанцев это произошло быстрее благодаря ускоренному темпу развития капитализма.

Макиавелли хотел именно этого. Он писал: «Словно по кинутая жизнью, ждет Италия, кто же сможет исцелить ее раны, положить конец разграблению Ломбардии, поборах в Неаполе и Тоскане, излечить давно загноившиеся язвы». Называя варварами французов, немцев и испанцев, грабивших Италию, Макиавелли заканчивает работу «Государь» страстным призывом к своим согражданам: «Каждому из нас нестерпимо тошно от этого варварского господства» и в заключение приводит слова Петрарки: «Доблестно ополчится на неистовство, и краток будет бой, ибо не умерла еще древняя храбрость в итальянской груди»*. Слово Петрарки мог бы вполне повторить Гарибальди в XIX веке.

Французская система. Г. Никольсон считает основой положниками этой более современной системы дипломатических сношений Гуго Гроция как теоретика международного права и крупнейшего государственного деятеля Франции Ришелье — как практика. Никольсон необоснованно резко противопоставляет французскую систему итальянской. На самом деле одна продолжает другую. И поэтому не случайно Ришелье не только не отвергал Макиавелли, а, напротив, пользовался многими его советами. В своем «Политическом завещании» Ришелье писал, что ради сохранения государства все средства хороши, и рекомендовал суровые меры против тех, кто пренебрегает законами или распоряжениями государства. Он писал: «Бич, который является символом правосудия, никогда не должен оставаться без применения»**.

Ришелье осуществлял власть короля и дворянства в стране, где основной массой населения были полунищие крестьяне, закабаленные своими помещиками-дворянами или монастырями. Абсолютная монархия, где все командные посты занимали дворяне, с одной стороны, подавляла своеволие и заговоры феодальных кругов, а с другой стороны, принимала все меры против рвущейся к власти молодой городской буржуазии и массы трудящихся горожан, не довольных остававшимися феодально-дворянскими порядками.

* Н. Макиавелли, Сочинения, т. I, стр. 325, 329.

** Цит. по: «История дипломатии», т. I, Госполитиздат, 1959, стр. 238.

Во внешней политике Ришелье проводил энергичную борьбу с могуществом австрийских и испанских Габсбургов, видя в них угрозу развитию мощного французского государства. Здесь ему понадобился централизованный и вышколенный дипломатический аппарат. В своей борьбе Ришелье (в соответствии с доктриной Макиавелли) ничем не брезгал и охотно поддерживал германских протестантских князей в их борьбе против католического римского императора и его союзников. Однако это не мешало Ришелье подавлять антикатолическое движение гугенотов внутри Франции.

Ришелье великолепно пользовался дипломатией как инструментом своей внешней политики, оставив потомству значительное количество материальных выгод, выигранных на полях дипломатических сражений.

Наиболее энергично развивались в XVI веке новые капиталистические порядки в Нидерландах и Англии. Здесь молодая буржуазия, опираясь на недовольство масс феодальными порядками, уже стремилась к власти и поддерживала идею прочного, могущественного государства, но с предоставлением свободы капиталистическому накоплению и ликвидации сословных привилегий дворянства и духовенства. И вовсе не случайно то, что именно в Нидерландах появились крупные теоретики в вопросах дипломатического и международного права — Балтазар Айла, а затем и Гуго Гроций.

Никольсон уделяет последнему немало внимания, характеризуя его как исключительно талантливого ученого, на много лет опередившего свое время. В действительности же Гроций был ранним идеологом европейской буржуазии. В своем широко известном произведении «О праве войны и мира» он обосновывал защиту буржуазной собственности, устанавливая правовые нормы ведения войны. Гроций исходил из того, что право собственности является естественным правом и полностью соответствует нормам здравого смысла, заложенного в человеке природой. Теория естественного права была широко развита философами XVII—XVIII веков и вошла в арсенал энциклопедистов как орудие борьбы против идеологии дворянского сословия, защищавшего свои узкоклассовые интересы.

В эпоху Великой французской революции один из лидеров буржуазной партии жирондистов Ж. А. Кондорсе в своем «Эскизе исторической картины прогресса челове-

ческого разума», написанном в 1794 году, дал такое определение «естественному праву»: «...Человек должен иметь возможность применять свои способности, располагать своими богатствами, удовлетворять свои потребности с полной свободой. Общий интерес каждого общества, отнюдь не требуя сокращения индивидуального пользования, защищает его, напротив, от нанесения ему ущерба, и в этой части общественного порядка забота обеспечить каждому его естественные права является одновременно единственно полезной политикой, единственным долгом социальной власти и единственным правом, которое общая воля могла бы закономерно осуществлять»*. Здесь ясно выражена идея «естественного права» на свободное использование человеком своих богатств — в этом суть и идеи естественного права в международных отношениях по Гроцию.

Крупнейшие абсолютные монархи XVII века обладали такой силой, которая и не снилась флорентийским и венецианским правителям времен Макиавелли. Гроций отразил в своей теории новую обстановку, возникшую в наиболее развитых странах, которые уже могли иметь политику дальнего прицела. Именно благодаря этим новым обстоятельствам Ришелье смог предложить более серьезную и постоянную организацию дипломатической службы. Такие крупные государства, как Англия, Нидерланды, Франция, а также и Россия, стали нуждаться в профессиональном дипломатическом аппарате, способном квалифицированно работать в интересах своих правительств, которые наряду с защитой дворянства и духовенства были заинтересованы, исходя из необходимости увеличения государственной казны, в покровительстве городам с их торговлей и нарождавшейся промышленностью, возникшей из цехового ремесла и мануфактур.

Остатки феодализма еще продолжали существовать, но феодальная раздробленность была в основном преодолена. В Нидерландах и Англии уже назревала революционная ситуация — буржуазия этих стран требовала власти.

Россия XVII века, пережив период смуты, быстро активизировала свою внешнюю политику. Уже в середине XVI века впервые в истории России возник «Посольский приказ», ведавший в основном зарубежными связями.

* Ж. А. К о н д о р с э, Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума, Соцэкгиз, 1936, стр. 168.

В XVII веке этот приказ стал известен и в Европе, особенно когда во главе его стоял боярин Ордин-Нащокин, которого иностранцы заслуженно считали «наихитрейшей лисицей». Российская дипломатия не отставала от французской, английской или нидерландской в своих заботах о расширении торговых связей и создании международных союзов, выгодных Российскому государству. В конце XVII века, особенно при Петре I, российская дипломатия стала энергично искать выход для русской торговли на побережьях Черного и Балтийского морей. Именно в это время начали формироваться основные направления внешней политики России, а Петр I энергично продолжал политику Ивана IV в борьбе за расширение внутренней и внешней торговли. На тех же основах строилась и внешняя политика Ришелье, Мазарини и их ближайших преемников.

Периодизация этапов развития дипломатического искусства у Никольсона оторвана от истории развития человеческого общества и поэтому является субъективной и неисторичной. Она просто подгоняется автором к его консервативным и идеалистическим концепциям.

Особенно это проявляется в его восхищении французской системой: «Под французским методом я подразумеваю теорию и практику международных переговоров, заложенную Ришелье, проанализированную Кальером и воспринятую всеми европейскими государствами в течение трех столетий, предшествовавших переменам 1919 года. Я считаю этот метод наилучшим для осуществления сношений между цивилизованными государствами». В этом высказывании слышится вопль души британского дипломата старой школы, который хотел бы забыть о революционных событиях первой четверти XX века. Но Никольсон был бы, разумеется, ближе к истине, если бы он вместо 1919 года указал на 1917 год — год Великой Октябрьской социалистической революции, ознаменовавшей начало новой эры в истории человечества и новой эпохи в истории дипломатии. С крайним сожалением Никольсон все же вынужден признать, что возвращение к старой дипломатии теперь вряд ли возможно, но продолжает упрямо считать ее более эффективной, чем дипломатия нашего времени.

Новая дипломатия. Этот раздел книги Г. Никольсона интересен тем, что в нем он обращается не столько к своим слушателям в Оксфорде, сколько к западноевропейской, и особенно к американской, дипломатии. Г. Никольсон

пишет, что хотел бы назвать новую дипломатию американской, но остерегается, так как «американцы еще не открыли свою собственную систему», а поэтому дает четвертой и последней лекции туманный подзаголовок: «Переход от старой дипломатии к новой».

Если бы Никольсон начал эту главу с рассмотрения принципов молодой советской дипломатии 1917—1923 годов, то ему было бы легче дать ясный анализ нового в современной дипломатии и внешней политике. Но и здесь автор следует своему методу отрыва дипломатии от внешней политики. Это приводит его к неоправданному возвеличению роли Вудро Вильсона — президента США, в котором он видит зачинателя новой дипломатии.

Никольсона нельзя обвинить в том, что он не понял политики Вильсона. Недостаточно ясно, но он все же пишет, что «новая дипломатия» родилась из попытки перенесения методов либерально-демократической внутренней политики на внешнюю политику. Он также признает, что такого рода «эксперимент» стал неизбежным после первой мировой войны, когда измученные войной массы стали испытывать к ней отвращение и хотели на будущее время взять под демократический контроль правящее меньшинство, ответственное за войну. Никольсона в его анализе политики Вильсона интересуют, однако, не исторические детали прошлого, а то, что сохранилось до настоящего времени от пышных и фальшивых речей Вильсона, поскольку он считает, что не только американская, но и западноевропейская дипломатия оказалась в известной степени зараженной некоторыми идеями вильсоновской буржуазно-реформистской пропаганды. В своем раздражении против буржуазно-либеральных, хотя бы и лживых, заявлений Вильсона автор не жалеет красок на изображение мнимой левизны Вильсона. По мнению Никольсона, Вильсон был чуть ли не якобинцем и во всяком случае разделял утопическую веру Робеспьера в свою мифическую личную связь с народом. Никольсон заявляет, что Вильсон в своих пышных речах и предложениях 1918 года высказал ряд опасных идей, содержащих «семена тех хаотических джунглей, которые в наше время стоят на пути серьезных переговоров».

Рассматривая выдвинутые Вильсоном «пункты» и «принципы», Никольсон раскрывает читателям тайные «опасности», скрытые в этих семенах. Автор резко высказывается против выдвинутого Вильсоном в демагогических целях

принципа, провозглашавшего, что дипломатия должна «действовать открыто и на виду у всех». Никольсон также высказывается против его обещания, что «зависимые народы должны получить свободу, независимо от желаний главенствующих государств». Автор саркастически заявляет, что из высказываний Вильсона в 1918 году можно было бы составить великолепный молитвенник, как прообраз желаемого совершенства, но сетует, что только реалисты в политике поняли, что вся доктрина Вильсона была сентиментальной ерундой. Не без злорадства Никольсон отмечает, что во время версальских переговоров никакой открытой дипломатии не было и Вильсон совещался с Ллойд Джорджем и Клемансо под охраной двух американских солдат (а это молодой Никольсон имел удовольствие наблюдать собственными глазами). Автор критикует «вильсонизм» с позиций защитника интересов британского империализма, который уже в период версальских переговоров многое отбросил из «сентиментальной ерунды» Вильсона. Критика «вильсонизма» периода версальских переговоров Никольсоном весьма ограничена и больше ориентирована на внесение поправок в современную дипломатию США, а поэтому полезно показать, как критиковал «вильсонизм» В. И. Ленин. Итоги президентских выборов 1912 года в США, которые привели Вильсона к власти, Ленин оценил как величайший кризис буржуазных партий и сказал, что «значение выборов — необычайно ясное и яркое выступление *буржуазного реформизма*, как средства борьбы против социализма»*. В замечательном письме к американским рабочим в августе 1918 года Ленин писал о том, что Вильсон — «глава американских миллиардеров, прислужник акул капиталистов». На II конгрессе Коммунистического Интернационала В. И. Ленин говорил, что «Вильсон был идолом мещан и пацифистов.., которые молились на «14 пунктов» и писали даже «ученые» книги о «корнях» политики Вильсона, надеясь, что Вильсон спасет «социальный мир», помирит эксплуататоров с эксплуатируемыми, осуществит социальные реформы»**. Ленин описывает далее, что известный английский экономист Кейнс

* В. И. Ленин, Итоги и значение президентских выборов в Америке, Соч., т. 18, стр. 373.

** В. И. Ленин, II конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля — 7 августа 1920 г., Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала 19 июля, Соч., т. 31, стр. 199.

в своих работах «разоблачил наглядно, как Вильсон оказался дурачком. и все эти иллюзии разлетелись в прах при первом же соприкосновении с деловой, деляческой, купцовской политикой капитала в лице господ Клемансо и Ллойд-Джорджа»*. Ленин писал, что «корни» вильсоновской политики сводились только к поповской глупости, к мелкобуржуазной фразе, к полному непониманию классово-борьбы.

Никольсон в своих лекциях не затронул проблем дипломатии периода второй мировой войны, но, касаясь послевоенной международной дипломатии, он обращает острие своего сарказма против таких форм «открытой дипломатии», как, например, трансляция переговоров по радио и телевидению. В этом он видит всходы семян «вильсонизма». Любая форма широкого и публичного обсуждения вопросов внешней политики и методов ее осуществления приводит Никольсона в состояние раздражения.

Особенно недоволен Никольсон Организацией Объединенных Наций, которая, как известно, хотя и не оправдывает еще надежды народов на достижение прочного мира, но все же миролюбивые силы имеют возможность использовать ее трибуну для разоблачения агрессивной политики империалистических держав. Он не в силах скрыть раздражения по поводу той роли, которую могут играть в ООН малые страны, стремящиеся к проведению независимой национальной политики. Никольсон относится с изрядной долей подозрительности и к совещаниям глав государств и правительств по важнейшим вопросам международной политики, но прямо об этом не говорит, предпочитая ссылаться на отдаленные времена. Это видно хотя бы из того, что он охотно цитирует средневекового историка Филиппа де Коммина, рекомендовавшего «государям», избегая личных встреч, пользоваться услугами дипломатов. Никольсон также не упускает случая пустить шпильку в адрес тех государственных людей прошлого, которые вмешивались в деятельность профессиональных дипломатов.

Следует ли объяснять эти воззрения Никольсона консерватизмом дипломата старой школы, склонного чрезмерно переоценивать роль профессиональной дипломатической

* В. И. Ленин, II конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля—7 августа 1920 г., Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала 19 июля, Соч., т. 31, стр. 199.

службы? Представляется, что дело не только в этом, впрочем, ответ на этот вопрос дает сам автор, хотя и прячет его между строк, прибегая к широкой исторической аналогии.

Как указывалось выше, Никольсон объясняет падение Афинского государства не его внутренней слабостью, а порочностью греческих дипломатических методов. При этом он пускается в довольно прозрачные рассуждения, что, мол, слабость афинской дипломатии заключалась в том, что афинская демократия со всеми дискуссиями в Совете пятисот и в Народном собрании была менее оперативна и действенна, чем дипломатия деспотий и автократий, где не спрашивали мнения «парламентских» учреждений. Никольсон дает понять, что все это не потеряло своего значения и в настоящее время.

Таким образом, причину провалов «демократической» (читай: империалистической) дипломатии Никольсон видит не в плохой политике, не в разложении обреченного самой историей капиталистического общества, а в недостатках его государственного устройства. «Единственным спасением от этих недостатков,— заключает Никольсон,— было бы создание корпуса хорошо обученных дипломатов, независимых от партийных связей и страстей, пользующихся всеобщим доверием, но в конечном итоге подчиняющихся государственной власти».

Автор обращается к США и к западным государствам с предложением создания такой профессиональной дипломатии, которая могла бы вести свои конфиденциальные переговоры без парламентов, без ООН, без всякого освещения в печати, по радио или телевидению. Автору, конечно, не приходит в голову, что иметь дипломатию, пользующуюся всеобщим доверием в своей стране, могут только социалистические государства. В странах капиталистических такой дипломатии быть не может или надо с вильсоновским лицемерием и лживостью предположить, что можно добиться полного согласия между эксплуататорами и эксплуатируемыми, прочного классового мира без всяких партийных интересов и страстей.

Никольсон не хочет помириться с тем, что с Октябрьской социалистической революцией во внешнюю политику все больше и больше включаются народные массы — действительные творцы истории человечества. Революционное творчество народных масс уже давно вошло в историю, и его роль становится решающей в наше время, несмотря

на все попытки империалистов изолировать народ от внешней политики и дипломатии. В Программе КПСС это новое в истории изложено с замечательной ясностью: «В новую историческую эпоху неизмеримо возросли возможности народных масс активно вмешиваться в решение международных вопросов. Народы все активнее берут решение вопроса о мире и войне в свои руки. Антивоенное движение масс, принимающее разнообразные формы,— крупнейший фактор в борьбе за мир». Организующей силой этого вмешательства народных масс во внешнюю политику является международный рабочий класс.

В конце четвертой лекции Никольсон обратил внимание аудитории на то, что он не касался дипломатии СССР. Поясняя это, он отметил, что читал «Историю дипломатии» В. П. Потемкина и даже обратил внимание на его утверждение, будто бы русские, в отличие от своих противников, обладают мощным оружием — научной теорией марксизма-ленинизма. Пытаясь уйти от рассмотрения существа дела, Никольсон прикрывается пошленькой остротой и заявляет, что он не заметил, чтобы эта теория улучшила международные отношения. И все же Никольсон предупреждает своих слушателей, что советская дипломатия «внушительна и напориста», что ее силу нельзя недооценивать.

Книга Г. Никольсона широко известна в Европе и в Америке, ее используют как «учебное пособие» молодые дипломаты буржуазных стран.

Вокруг книги Никольсона уже возникли дискуссии не только в Англии, но и в США, и в других западных странах. Всякому вдумчивому читателю ясно, что Никольсон хочет не столько писать историю, сколько преподать ряд советов западным дипломатам. Такая установка книги делает ее интересной и для советских специалистов-международников.

Вместе с тем представляется полезным дать хотя бы самую краткую характеристику советской внешней политики и дипломатии.

Дипломатия СССР. В одной из своих самых блестящих работ—«Детская болезнь «левизны» в коммунизме»— В. И. Ленин специально остановился на вопросах международного значения Советской власти, а также на вопросах стратегии и тактики коммунистов в международной политике, подчеркнув, что «все основные и многие второстепен-

ные черты нашей революции имеют международное значение в смысле воздействия ее на все страны»*. В этой же работе В. И. Ленин пишет, что «политика есть наука и искусство, которое с неба не сваливается, даром не дается, и что пролетариат, если он хочет победить буржуазию, должен выработать себе *своих*, пролетарских, «классовых политиков», и таких, чтобы они были не хуже политиков буржуазных»**. В том, что касается научной стороны политики, В. И. Ленин подчеркивает, что марксизм является единственно правильной революционной теорией, которую Россия выстрадала в полувековой истории неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма. «С другой стороны, возникший на этой гранитной теоретической базе большевизм проделал пятнадцатилетнюю (1903—1917) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете»***. В такой яркой форме Ленин показывает единство научной теории и практики в политике, единство ее теории и искусства. Основное, что В. И. Ленин подчеркивает в этой работе,— это необходимость диктатуры пролетариата и строжайшей централизации и дисциплины внутри политической партии пролетариата. Вся эта работа В. И. Ленина представляет собой разработку марксистской науки, политики и искусства политики, которая, по его словам, больше всего похожа на высшую математику не только по сравнению с простенькой арифметикой, но и с более абстрактной алгеброй. Искусство в политике требует выработки необходимых знаний и опыта, но и этого будет недостаточно без политического чутья для быстрого и правильного решения сложных политических вопросов. В то героическое время В. И. Ленин отлично понимал, что после свержения буржуазии в одной стране пролетариат надолго останется слабее, чем его противник — буржуазия, и дает мудрый совет по вопросу об искусстве в политике. «Победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил и при *обязательном*, самом тщательном, заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей, «трещины» между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран,

* В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Соч., т. 31, стр. 5.

** Там же, стр. 61.

*** Там же, стр. 9.

между разными группами или видами буржуазии внутри отдельных стран,— так и всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного. Кто этого не понял, тот не понял ни грана в марксизме и в научном, современном, социализме вообще*.

Давая самое широкое толкование искусству политики до и после победы пролетариата, В. И. Ленин неразрывно связывает это искусство с наукой.

Второй характерной чертой ленинского понимания политики в целом является понимание ее как единства внешней и внутренней политики класса, стоящего у власти в данном обществе. Внешняя политика в капиталистическом мире представляет собой защиту классовых интересов буржуазии как в мирное, так и в военное время. Она является политикой классового государства буржуазии, проявлением классовой сущности этого государства как диктатуры эксплуататорского меньшинства над большинством народа. Буржуазная дипломатия есть орудие этой политики. Отрыв внешней политики от внутренней Ленин считал ненаучным, немарксистским. Для В. И. Ленина внешняя политика Советской России была продолжением революции и с самых первых дней существования Советского государства была миролюбивой политикой, ставившей в качестве своей главной задачи мирное сожительство между народами, то есть мирное сосуществование. Никольсон не заметил разницы между советской дипломатией и буржуазной, о чем В. И. Ленин говорил неоднократно, подчеркивая демократичность и миролюбие советской дипломатии.

На IX Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин отметил, что «есть теперь в мире два мира: старый — капитализм,... и растущий новый мир, который еще очень слаб, но который вырастет, ибо он непобедим. Этот старый мир имеет свою старую дипломатию, которая не может поверить, что можно говорить прямо и открыто. Старая дипломатия считает: тут-то как раз какая-нибудь хитрость и должна быть»**. На втором Всероссийском совещании по работе в

* В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Соч., т. 31, стр. 52.

** В. И. Ленин, IX Всероссийский съезд Советов 23—28 декабря 1921 г., О внутренней и внешней политике республики. Отчет ВЦИК и СНК IX Всероссийскому съезду Советов 23 декабря 1921 г., Соч., т. 33, стр. 124.

деревне В. И. Ленин, говоря о внешней политике, сказал, что когда советская дипломатия выступает с приемами некупеческими, то купцы — капиталисты и их дипломаты нас не понимают и считают наши предложения проявлением нашей слабости. Ленин высмеял классовую тупость буржуазной дипломатии.

В. И. Ленин уделял громадное внимание советской дипломатии, о чем рассказал нам Г. В. Чичерин в своей статье «Ленин и внешняя политика». Вся внешняя политика молодого Советского государства вплоть до 1923 года осуществлялась под непосредственным руководством и при личном участии В. И. Ленина.

Опираясь на указания своего великого вождя и учителя, Коммунистическая партия и Советское правительство последовательно и неуклонно проводят в жизнь ленинские принципы внешней политики. Это нашло свое яркое отражение в величайшем историческом документе нашей эпохи — Программе КПСС, принятой XXII съездом партии. «Опыт СССР доказал, — отмечается в Программе, — что **социализм и мир нераздельны**» и что «главной целью своей внешнеполитической деятельности КПСС считает: обеспечить мирные условия для построения коммунистического общества в СССР и развития мировой системы социализма и вместе со всеми миролюбивыми народами избавить человечество от мировой истребительной войны».

С первых же дней существования Советской власти рабоче-крестьянское правительство России много раз предлагало мир и мирное сосуществование народам и правительствам буржуазных стран, используя при этом совершенно новый, свойственный лишь советской дипломатии, метод переговоров. В 1917 году в Декрете о мире Ленин обратился к народам с призывом установить революционный, демократический мир, возможный только при подавлении империализма революцией, при общем согласии всех освобожденных и независимых народов, в том числе и освобожденных колониальных народов. Одновременно В. И. Ленин, этот глубочайший реалист в политике, предложил переговоры о мире и перемирии всем правительствам на упомянутой выше основе или на тех условиях, которые они предложат.

В этом же декрете молодое Советское правительство торжественно заявило об отмене тайной дипломатии, «выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно

открыто перед всем народом»*. Это была не «французская» и не «американская» дипломатия по Никольсону, а новая, советская. Включение революционных народных масс во внешнюю политику и дипломатию естественно для социалистической революции и является тем новым, чего никогда не было ни в рабовладельческом, ни в феодальном, ни в буржуазном обществах. Никольсону, вероятно, стало бы не по себе, если бы он прочитал текст радиограммы, направленной В. И. Лениным всем воинским частям русской армии, от 22 ноября 1917 г., в которой содержатся такие небывалые в истории инструкции: «Солдаты! Дело мира в ваших руках. Вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира...

Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем.

Совет Народных Комиссаров дает вам права на это.

...Подписать окончательный договор о перемирии вправе только Совет Народных Комиссаров»**. Социалистическая революция вручала народу законные права на ведение формальных переговоров с противником. Братание революционных солдат русской армии с солдатами кайзеровской Германии и австро-венгерской монархии перепугало правительство Вильгельма II и его союзников. Кары за братание на фронте были увеличены, но братание — народная дипломатия — прошло все границы и появилось на западном фронте, вызывая смятение у французских империалистов и их союзников.

Никольсон одобряет методы французской тайной дипломатии, считая их вполне целесообразными и разумными. В. И. Ленин думал иначе. В замечательном документе НКВД от 22 ноября 1917 г. об опубликовании секретных договоров и соглашений царского и Временного правительств тайная дипломатия империалистических правительств была названа оружием в руках имущего меньшинства, которое вынуждено обманывать большинство народа в своих корыстных интересах. О буржуазной дипломатии было сказано, что она боится дневного света, представляет собой сделки буржуазных государств друг с другом. В этом от-

* «Документы внешней политики СССР», т. I, Госполитиздат, 1957, стр. 13.

** Там же, стр. 20.

ишении методы дипломатии отражали империалистическое хищничество, и поэтому, как указывается в заявлении НКВД, «упразднение тайной дипломатии есть первейшее условие честности народной, действительно демократической внешней политики. Проводить такую политику на деле ставит своей задачей Советская власть». В конце этого документа записано: «Мы хотим скорейшего мира на основах честного сожительства и сотрудничества народов»*. Советская дипломатия соблюдала и соблюдает тот принцип честной, народной, действительно демократической внешней политики, и ни один народ в мире не осведомлен так полно и всесторонне о внешней политике своего государства, как советский народ. Начало этой традиции было положено В. И. Лениным, который подробно докладывал народу о внешней политике Советского государства.

Эта традиция нашла дальнейшее продолжение в выступлениях Н. С. Хрущева по вопросам внешней политики, отчетах о поездках за границу и т. д.

Ленинская демократическая внешняя политика выступила на мировую арену в те годы, когда Советская Россия была экономически слабой, разоренной, но в моральном отношении несравнимо более сильной, чем любое другое государство, благодаря великому энтузиазму народных масс, знательно творивших новую жизнь. С тех пор прошло много лет. Советский Союз стал сильнейшей социалистической державой. Выросла могучая социалистическая система, соотношение сил на мировой арене изменилось в пользу социализма.

С трибуны XXII съезда КПСС Н. С. Хрущев следующим образом определил главные итоги мирового развития после октября 1917 года:

«Основной итог поступательного развития общества в нашу эпоху — образование мировой социалистической системы...

Социалистическая система превращается в фактор, все более определяющий ход мирового развития в интересах мира и социального прогресса...

Второй по своему историческому значению итог мирового развития — крах колониальной системы...

Третий итог мирового развития — резкое всестороннее

* «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 21—22.

ослабление капитализма и новое обострение его общего кризиса»*.

Программные документы международного коммунистического движения, новая Программа КПСС дают исчерпывающее определение современной эпохи, как эпохи, основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму, эпохи борьбы двух противоположных общественных систем, эпохи социалистических и национально-освободительных революций, эпохи крушения империализма, ликвидации колониальной системы, эпохи перехода на путь социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе.

Как и во времена Ленина, генеральным курсом советской внешней политики неизменно является ленинский принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Он лежит в основе всех внешнеполитических мероприятий Советского правительства. В резолюции XXII съезда КПСС по Отчету Центрального Комитета партии указываются следующие задачи внешней политики Советского Союза, вытекающие из современного международного положения:

«— неуклонно и последовательно осуществлять принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем, как генеральный курс внешней политики Советского Союза;

— неустанно крепить единство стран социализма на основе братского сотрудничества и взаимопомощи, вносить свой вклад в укрепление мощи мировой социалистической системы;

— развивать и углублять сотрудничество со всеми силами, борющимися за мир во всем мире;

— крепить пролетарскую солидарность с рабочим классом и трудящимися всего мира, оказывать всемерную поддержку народам, борющимся за свое освобождение от империалистического и колониального гнета, за укрепление своей независимости;

— еще шире развивать международные деловые связи взаимовыгодные экономическое сотрудничество и торговли со всеми странами;

* «Материалы XXII съезда КПСС. О Программе Коммунистической партии Советского Союза. Доклад товарища Н. С. Хрущев 18 октября 1961 года», Госполитиздат, 1961, стр. 129—130.

— вести активную и гибкую внешнюю политику, добиваясь урегулирования назревших мировых проблем путем переговоров, разоблачать происки и маневры империалистических поджигателей войны, укреплять мир во всем мире».

Таковы задачи мирной политики Советского Союза.

Иного курса в международных отношениях придерживаются империалистические державы во главе с Соединенными Штатами. За последние годы силы войны и агрессии не раз ставили под угрозу всеобщий мир. Все вылазки агрессоров, будь то в Египте, Ливане или на Кубе, неизменно терпели крах. Однако было бы величайшей ошибкой рассчитывать на то, что провалы агрессивных планов образумили империалистов. Борьба стран социализма и всех миролюбивых сил против подготовки новой агрессии и войны составляет главное содержание современной мировой политики.

Агрессивные силы империалистических держав, и прежде всего Соединенных Штатов, упорно препятствуют мирному разрешению назревших международных проблем, всеми средствами пытаются задержать наше стремительное продвижение вперед, но шансов на успех у них нет. Если же они пойдут на безумный шаг — развязывание третьей мировой войны, то это будет последнее преступление империализма, которое приведет его к полному краху.

Это, однако, не означает, что мировой коммунизм стремится к низвержению империализма военным путем. Империализм неминуемо погибнет и без чудовищного истребления сотен миллионов людей в термоядерной войне под воздействием своих собственных все более обостряющихся внутренних противоречий. Политика захватов никогда не была политикой коммунизма. Владимир Ильич Ленин всегда высмеивал сторонников «военно-полевой революции» и подчеркивал, что революции творит сам народ в классовой борьбе против своих эксплуататоров, когда создаются благоприятные для этого условия.

В своей политике КПСС и Советское правительство исходят из ленинского определения империализма, вскрывающего реакционный, агрессивный характер внешней и внутренней политики империализма. Вместе с тем партия и правительство учитывают те большие изменения, которые произошли в мире с тех пор, как В. И. Ленин дал анализ империализма.

«Сейчас положение таково,— отмечает Н. С. Хрущев,— что империализм не может всем диктовать свою волю и беспрепятственно проводить свою агрессивную политику.

На пути захватнических устремлений империалистов к переделу мира, к порабощению других народов стоят несокрушимые силы мировой социалистической системы, и прежде всего Советского Союза. Эти силы ограничивают волчий аппетиты империалистов. За мир борются сотни миллионов людей в миролюбивых странах, за мир выступают все народы. В этом главное. Это надо понимать»*.

В международную политику прочно вошли многомиллионные массы трудящихся, и это — то новое, чего не хочет видеть Никольсон, рассуждая об эволюции дипломатического метода. Именно народные массы призваны сыграть главную роль в решении основных проблем современных международных отношений, которые нашли столь полное отражение в документах XX, XXI и XXII съездов КПСС. Эти проблемы, от решения которых зависит сохранение и упрочение всеобщего мира, следующие:

1. Всеобщее и полное разоружение при строжайшем международном контроле.

2. Ликвидация остатков второй мировой войны. Мирное урегулирование с Германией.

3. Существенное улучшение механизма ООН, восстановление законных прав Китайской Народной Республики в ООН.

4. Окончательная ликвидация колониального гнета во всех его формах и проявлениях. Обеспечение эффективной помощи народам, недавно завоевавшим свою независимость.

5. Решение назревших региональных политических проблем, таких как создание зон безатомного оружия, заключение пакта о ненападении между странами Организации Варшавского договора и странами НАТО, а также осуществление других шагов, которые позволили бы ослабить военную опасность, а затем и вовсе ликвидировать ее.

6. Развитие деловых отношений, экономических и культурных связей между всеми странами.

Для осуществления этой широкой программы действий необходима энергичная, гибкая и в то же время твердая и

* «Материалы XXII съезда КПСС. Заключительное слово товарища Н. С. Хрущева на XXII съезде КПСС 27 октября 1961 года», стр. 243—244.

последовательная внешняя политика и соответствующая ей дипломатия. Это означает, что, с одной стороны, необходимо систематически разоблачать все происки и маневры империалистических поджигателей войны, а с другой стороны, вести широкие и всесторонние дипломатические переговоры для мирного урегулирования назревших международных проблем.

Выступая на XXII съезде КПСС, Н. С. Хрущев указал, то теперь, когда наши силы намного возросли, «открылась перспектива добиться мирного сосуществования на весь период, в течение которого должны найти свое решение социальные и политические проблемы, ныне разделяющие мир»*.

Решение внешнеполитических задач Советского государства на путях сохранения мира и осуществления ленинского принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем — такова цель советской дипломатии, опирающейся на научную теорию марксизма-ленинизма в анализе современной международной обстановки.

В отличие от Г. Никольсона, мы не отрываем свою внешнюю политику от внутренней и внешней политики Советского государства, от искусства дипломатии. Об этом четко сказано в Программе КПСС: «Для империалистических государств дипломатия была и остается инструментом насаждения своей воли другим народам, орудием подготовки войн. В период безраздельного господства империализма вопрос о войне и мире решался финансово-промышленной олигархией в глубокой тайне от народов.

Социализм противопоставляет империализму **новый тип международных отношений**. Внешняя политика социалистических государств, в основе которой лежат принципы мира, равноправия, самоопределения народов, уважения независимости и суверенитета всех стран, а также честные, уманные методы социалистической дипломатии оказывают возрастающее влияние на мировую обстановку».

Вряд ли случайно Никольсон в своей книге ограничился анализом американского метода дипломатии Вильсона 1919 года и уклонился от рассмотрения советской дипло-

* «Материалы XXII съезда КПСС. Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду КПСС. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС товарища Н. С. Хрущева 17 октября 1961 года», стр. 38.

матии. По всей вероятности, он хотел бы противопоставить ей методы современной американской дипломатии, но побоялся сделать это, хотя и отводит ей определяющую роль в политике западных держав. Никольсон сетует, что американскому «руководству» не хватает последовательности, убедительности и надежности. Он выражает сожаление по поводу дилетантского склада американской дипломатии и, вероятно, надеется предложить ей свою книгу в качестве методологического наставления. Если Никольсон думает поправить дела американской дипломатии, рекомендуя ей методы французской тайной дипломатии времен безраздельного господства капитализма, то это может вызвать только улыбку. Как нельзя повернуть ход истории вспять, так невозможно и задержать неотвратимый процесс разложения мирового капитализма в эпоху, когда главное содержание, главное направление и главные особенности исторического развития человеческого общества определяет мировая социалистическая система, силы, борющиеся против империализма, за социалистическое переустройство общества.

А. Богомолов.

ДИПЛОМАТИЯ ГРЕЦИИ И РИМА

Когда мне оказали честь, пригласив прочитать эти лекции, я решил избрать дипломатическую тему. Поскольку значительная часть моей жизни была посвящена дипломатической практике и изучению дипломатии, я надеюсь, что смогу проиллюстрировать эту тему примерами из собственного жизненного опыта. Я также считаю, что архиепископ Чичили¹, памяти которого посвящаются эти лекции, хотя и получил заслуженное признание как священнослужитель и правовед, но не был в достаточной мере признан как дипломат. Можно напомнить, что Чичили возглавлял посольства при папском престоле и во Франции, что в 409 году он был во главе английской делегации на Пизанском соборе², а семь лет спустя вел переговоры о заключении союза между императором Сигизмундом³ и Генрихом V⁴. Таким образом, дипломатическую деятельность следует также причислить к тем многочисленным областям, в которых преуспевал архиепископ.

Этим четырем лекциям я дал общее название «Эволюция дипломатического метода». Слово «эволюция» не означает непрерывный прогресс от зачаточных методов к совершенным. Напротив, я надеюсь показать, что международные отношения всегда были подвержены странным приступам регресса. Слова «дипломатия» и «дипломатический» будут значить не внешнюю политику или международное право, искусство ведения переговоров. Понятие «метод» будет включать в себя не только сам порядок проведения пере-

¹ Примечания даны в конце книги.

говоров, но и общую теорию, в соответствии с которой он осуществлялся.

Мои лекции охватывают четыре периода, каждый из которых представляет собой определенный этап развития истории. В первой лекции мы рассмотрим дипломатическое искусство Греции и Рима. Вторая лекция будет посвящена недоброй памяти идеям и обычаям, введенным итальянцами в XV и XVI веках. В третьей лекции я остановлюсь на более совершенных методах и теории, созданных французами в XVII, XVIII и XIX столетиях. И, наконец, заключительная лекция будет связана с последними изменениями в дипломатии, которые происходили с 1919 года.

2

Дипломатия берет свое начало в дебрях веков, предшествовавших времени, которое мы называем «зарей истории». Наступил такой период, когда наши человекообразные предки, населявшие пещеры в каком-то одном районе, рассудили, что было бы выгодно условиться с соседями о разграничении охотничьих угодий. Такие соглашения о границах существуют и в животном мире, что особенно заметно у небольших птиц. Очевидно, вскоре стало понятно, что никакие переговоры не могут быть успешно завершены, если посланцы той или иной стороны будут убиты по прибытии. Таким образом, дипломатический иммунитет стал первым установившимся принципом. Мы встречаем этот принцип у коренных жителей Австралии, в законах Ману⁵ и, как общепризнанный принцип, в поэмах Гомера⁶, согласно которому посланцы были наделены особой неприкосновенностью, дарованной им не только Гермесом⁷; и самим Зевсом⁸. Тот факт, что греки в самые давние времена создали сложную систему дипломатических сношений, подтверждается большим числом слов, появившихся в то время для обозначения различных стадий переговоров и типов соглашений.

Первым было слово «диалаге», или «примирение», которое означало нечто большее, чем простое стремление к прекращению военных действий. Затем появилось слово «сюнтаксис», или «договоренность», ведущая к временному местному перемирию. После этого могли последовать «договор» — «омология» или «конвенция» — «сюнтеке». Союз называется «сюммахия», а торговый договор — «сумбо

лон». Слово «спонде» означало торжественное священное перемирие, которое провозглашалось на время Олимпийских игр. Наконец, появилось прекрасное слово «эйрэне», означавшее «заключение мира».

Более того, в поэмах Гомера имеется детальное описание двух дипломатических миссий и одно упоминание о том, что в наше время назвали бы одним из правил Женевского протокола⁹. Гомер описывает посольство, с которым направились в Троию перед войной Менелай¹⁰ и Одиссей¹¹, надеясь обеспечить возвращение Елены мирным путем. Их миссия потерпела неудачу ввиду того, что Антимах¹², состоявший на жаловании у Париса, организовал в Народном собрании большинство голосов против предложения о выдаче Елены ее мужу. Антимах зашел так далеко, что даже предложил предать послов смерти. Эта история была рассказана (и, кажется, без должного такта) старым царем Приамом¹³ Елене, когда несколько лет спустя они сидели у Скейских ворот¹⁴. Похоже на то, что Одиссей воспринял раздражающую дипломатическую манеру притворяться более глупым, чем он был на самом деле. Этот отрывок (который напоминает мне о той напускной робости, с которой г-н Аристид Бриан¹⁵ поднимался на трибуну в Женеве) заслуживает того, чтобы его процитировать.

«Когда перед собранием троянцев послы начали красноречиво излагать свои доводы, Менелай, хотя и был младшим из этих двух послов, заговорил свободно, ясно и кратко. Он говорил так потому, что не был человеком болтливым или склонным отклоняться от темы.

Многоумный Одиссей, напротив, приступая к речи, продолжал глядеть в землю и держал свой жезл прямо перед собой, не простирая его ни направо, ни налево, как если бы он был тугодумом. Могло показаться, что он важничает или недалек умом. Но стоило лишь услышать этот могучий голос, вырывающийся из его груди, и слова, падавшие одно за другим, подобно снежным хлопьям в зимний день, как становилось ясно, что Одиссей, как посол, не имел себе равных».

В этой истории есть три момента, которые связывают ее с моей темой. Можно сделать вывод, что лет за 800 до нашей эры иностранные посольства обычно принимались Народным собранием как единое целое. Ясно также, что они состояли по крайней мере из двух послов, каждый из которых произносил свою заранее подготовленную речь.

И, наконец, эта история свидетельствует о том, что предложение Антимаха о лишении обоих послов дипломатического иммунитета и предании их смерти глубочайшим образом шокировало общественное мнение того времени. Когда впоследствии два сына Антимаха выпали из колесницы во время боя и попали в руки Агамемнона, он отказался внять их мольбам и отрубил им головы, мстя за возмутительное предложение их отца:

«Теперь, наконец, вы расплатитесь за бесчестное предложение вашего отца».

Другое описание дипломатической миссии у Гомера имеется в девятой песне «Илиады», где речь идет о том, как Аякс¹⁶, Одиссей и Феникс¹⁷ направились с миссией примирения к Ахиллу¹⁸, уединившемуся среди шатров мирмидонян¹⁹.

Из этого рассказа также можно сделать три полезных вывода. Хотя послы направлялись с визитом к союзнику и другу, вперед были высланы два вестника, с тем чтобы обеспечить послам дипломатический иммунитет и дать религиозную санкцию всему этому делу. Послы получили инструкции не от всего Народного собрания, а от более узкого совета, то есть как бы не от парламента, а от кабинета министров. И хотя Феникс отправился вместе с ними, имеются указания на то, что только Аякс и Одиссей располагали статусом аккредитованных послов. Очевидно, дипломатическая практика древнейшей эпохи была не столь уж мало разработана.

Похоже также на то, что в те времена существовали религиозные нормы, налагавшие ограничения на варварские методы ведения войны, аналогично нашей Женевской конвенции. Так, Гомер рассказывает нам, как Ил²⁰ отчитал Одиссея, когда тот попросил у него яд, чтобы смочить наконечники стрел. Ил поступил так, потому что «страшился гнева богов». Таким образом, даже в героическую эпоху существовали определенные международные принципы, нарушение которых считалось недопустимым.

В течение немногих, но хорошо изученных лет, отделяющих Херонею²¹ от Марафона²², греки разработали определенные методы переговоров, о которых сохранились подробные сведения.

Хотя практика создания постоянных миссий в столицах иностранных государств установилась только 14 веков спустя, греческие города постоянно посылали и прини-

мали временных послов, или, так сказать, послов специального назначения. Послы, которые назывались «старейшинами», избирались из людей уважаемых и мудрых. В некоторых городах существовало правило, что послы должны иметь возраст не менее 50 лет. Народное собрание снабжало их верительными грамотами, с образцом которой можно ознакомиться в музее Ашмоля²³. Если какое-либо лицо называло себя послом, но не могло представить верительные грамоты, ему угрожала смертная казнь. Послам отпускались очень скудные средства на оплату расходов, а также запрещалось принимать подарки. Тимагор²⁴ из Афин был казнен за то, что принял подарки от царя Артаксеркса²⁵, а Демосфен²⁶ использовал весь свой дар внушения, чтобы создать впечатление, что Эсхин²⁷ был подкуплен Филиппом Македонским²⁸. Если переговоры были успешными и получали одобрение со стороны сограждан, послы награждались гирляндами из ветвей оливкового дерева и бесплатным обедом в городской ратуше, а иногда и памятной таблицей. Если успех не сопутствовал послам, к ним могли быть применены все меры наказания. В любом случае послы были обязаны представить отчеты о своих расходах для тщательного рассмотрения со стороны комитета по надзору за расходованием общественных финансов, а политические недруги послов могли воспользоваться этим, чтобы обвинить их в коррупции или неумелой дипломатии. Так что должность посла греческого города-государства не сулила легкий труд при хорошей плате.

Греческая демократия проявляла настолько большую подозрительность в отношении собственных дипломатов, что миссии обычно составлялись из нескольких послов, представлявших различные партийные течения. Вместо единства взглядов, с которым должно выступать любое посольство, рассчитывающее на успех, греческая миссия демонстрировала острую межпартийную вражду. Например, мы узнаем от Эсхина, что Демосфен, находясь в составе чрезвычайно важного посольства к македонскому двору, был в таких плохих отношениях со своими коллегами, что отказывался сидеть за одним столом или ночевать в одном доме с ними. Таким образом, для тех, кто вел переговоры с подобным посольством, не составляло труда играть на личных распрях и углублять раскол внутри миссии. Представляется курьезным: для чего такому разумному народу

надо было допускать сохранение столь негодного метода дипломатических сношений?

В те времена, когда Греция была независимой, дипломатические переговоры велись устно и по крайней мере внешне в условиях полной гласности. Несколько членов посольства (часто случалось, что в одной миссии было до десяти послов) произносили заранее подготовленные речи перед иностранным государем или Народным собранием, так же как это происходит на беспорядочных международных конференциях нашего времени. Если переговоры завершались заключением договора, то его условия высекались на чистом аттическом языке на каменных плитах и выставлялись для всеобщего обозрения. Их ратификация производилась путем публичного обмена торжественными клятвами. Таким образом, можно вполне обоснованно утверждать, что греки придерживались системы открытых договоров, вырабатываемых в условиях полной гласности. Когда установилось влияние Македонии и старый аттический диалект был заменен *koine**, или *lingua franca*** , полные тексты договоров оглашались уже не всегда. Так пагубная система секретных договоров, как, например, договор, заключенный между Афинами и царем Филиппом относительно Амфиполя, стала постепенно пускать корни.

Казалось бы, что греческим городам с их крайней замкнутостью были чужды такие проявления среднего курса, как нейтралитет и арбитраж. В действительности, однако, статус нейтралитета, который они обозначали выразительным термином «оставаться спокойным», был хорошо известен как таковой, а арбитраж являлся вполне обычной процедурой для обеспечения мирного разрешения споров. Сохранился текст договора между Афинами и Фивами, в одной из статей которого город Ламия назван городом, «избранным» ими в качестве арбитра. Иногда арбитром назначали какого-либо философа с «мировым» именем или даже победителя Олимпийских игр. Имеются свидетельства о вынесении по меньшей мере 46 арбитражных решений за период с 300 по 100 год до н. э.

Одним из наиболее полезных институтов, созданных греками, был институт консулов, или проксенов. В отличие

* *Koine* (греч.) — общий язык, сокращенно от «койне диалектос» — диалект аттического типа, вытеснивший другие диалекты в Греции и окончательно укоренившийся в эпоху Римской империи.

** *Lingua franca* (итал.) — общий язык.

от большинства нынешних консулов греческий проксен был жителем того города, в котором он должен был защищать интересы граждан назначившего его государства. Пост проксена считался почетным, и многие выдающиеся люди были рады выступать в этом качестве. Так, Пиндар стал проксеном Афин в Фивах, а Демосфен — проксеном Фив в Афинах. Этот пост постепенно становился наследственным и использовался не только для содействия купцам, посещавшим иностранные города, но также для подготовки дипломатических переговоров и для смягчения той междоусобной вражды, которая разъедала и отравляла эллинический мир.

Не вызывает сомнения, что уже в V веке до н. э. греки располагали вполне развитым аппаратом международных сношений. У них были амфикиотические советы²⁹, лиги и альянсы, показывающие, что, хотя бы на словах, греки признавали ценность союзов. Они разработали устойчивую (процедуру) таких процессов, как объявление войны, заключение мира, ратификация договоров, арбитраж, нейтралитет, обмен послами, деятельность консулов, и признавали определенные правила ведения военных действий. Они также выработали широко применявшиеся правила, определявшие положение иностранцев, прием в гражданство, право убежища, выдачу преступников и порядок мореходства. Однако недостаточно лишь располагать аппаратом международных сношений. Важно то, с какой целью и в каком духе используется этот аппарат, какова, иными словами, была идея греческой дипломатии.

4

Иногда говорили, что в эллиническом мире не была известна концепция международного согласия или международной этики, без которых оказывается недействительным даже наилучший дипломатический аппарат. Действительно, патриотизм среднего грека в отношении своего города был настолько сильным, что он считал всех других эллинов потенциальными врагами, а всех варваров — рожденными рабами. Справедливо также, что он делал большое различие между индивидуальной и государственной моралью и что он никогда не счел бы двусмысленными слова Демосфена: «Наши цели и наши действия должны неизменно быть справедливыми. Однако мы должны за-

ботиться о том, чтобы они также служили нашим интересам».

И все же, несмотря на убежденность, что безопасность их собственного города была превыше всего, греки признавали существование некоторых освященных богами принципов, регулирующих ведение международных дел. Договоры были предметом особой заботы со стороны Зевса — охранителя клятв, и считалось недостойным расторгать договор без достаточных оснований или покидать союзника в ходе военной кампании. Критяне, фессалийцы, паравейцы и даже спартанцы повсюду вызывали осуждение за их вероломство в дипломатии. Считалось недостойным совершить внезапное нападение на соседа или начать, как они выражались, «необъявленную или несправедливую войну». Зверства и надругательства над ранеными и телами павших в бою осуждались как деяния, достойные только варваров. Греки смутно сознавали, что, помимо законов и обычаев, признававшихся членами эллинического общества, существовали определенные принципы, применимые ко всему человечеству. Они даже могли подчас согласиться с мнением Фукидида³⁰; что война является «плохим и небезопасным» средством разрешения международных споров.

Несмотря на эти отличные принципы, греки были негодными дипломатами по трем главным причинам.

Во-первых, им было присуще то, что Геродиан³¹ назвал «известной старой болезнью греков — любовью к несогласию». Их соперничество было столь острым, что оно парализовало и убивало их инстинкт самосохранения. Во-вторых, по своему темпераменту греки были не хорошими, а плохими дипломатами. Будучи исключительно умными людьми, они в то же время ставили выше всего интриганство и хитрость, подрывая тем самым основу всяких серьезных переговоров — доверие. Они были, кроме того, бестактными и болтливими, не имели чутья в выборе удобного момента для действий и отличались крайней заносчивостью. Для того чтобы найти нечто подобное заносчивости Демосфена, пришлось бы, пожалуй, отбросить две тысячи лет развития цивилизации и искать примеры среди наших современников. В-третьих, греки не сумели установить правильное разделение обязанностей между законодательной и исполнительной властью как в своих внутренних, так и в международных делах. Они так и не додумались, как не додумались пока и мы сами, каким об-

язом сделать методы дипломатической работы демократического общества столь же эффективными, сколь и методы общества автократического. Именно этот последний недостаток привел греков к гибели.

Когда демократическое общество имеет дело с деспотической системой, оно всегда оказывается в невыгодном положении, поскольку принимаемые им решения никогда не могут быть в достаточной мере тайными и быстрыми. Греки же, благодаря своему неуклюжему дипломатическому методу, усугубили невыгодность своего положения. Поскольку их послам почти никогда не давались достаточные полномочия, им приходилось либо возвращаться домой, либо посылать гонцов за дополнительными инструкциями, которые могли понадобиться ввиду изменившейся ситуации. В те дни средства сообщения были медленными, и связанные с этим проволочки могли оказаться губительными. Само Народное собрание было безответственным и непостоянным и могло легко отказать в доверии своим послам, даже когда они строго придерживались его инструкций.

Хорошим примером проволочек и путаницы, присущих дипломатии демократического общества, являлись переговоры между Афинами и Филиппом Македонским, проводившиеся в атмосфере всеобщей паники накануне окончательной катастрофы. На одной стороне были греческие города-государства, напуганные массой накопленного Филиппом нового вооружения, но не желающие объединить свои силы для сопротивления северному варвару и готовые в любой момент предать и продать друг друга. На другой стороне был царь Македонии — решительный и хитрый, абсолютный хозяин своих планов и своей армии, хорошо осведомленный о том, какой страх и разброд вносили в эллинический мир его угрозы. Он знал, что каждый из этих охваченных паникой городов жаждал осуществления тех обещаний и заверений, которые он, Филипп Македонский, так щедро раздавал им, чтобы продлить дипломатические переговоры, завоевывая в то же время одну стратегическую позицию за другой. Амфиполь, Олинф, Керсоблет, Эвбея, великая дельфийская амфиктиония, сами Фермилы один за другим подпали под контроль Македонии, в то время как Народное собрание в Афинах приговаривало к смерти неудачливых послов и обсуждало на бурных заседаниях назначение новых посольств с новыми инструкциями. Народное собрание продолжало цепляться

за обещания, лживость которых была ему известна, и надежды, которым не было суждено осуществиться. Так оно разрушало то доверие, которое союзники все еще питали к проницательности и стойкости афинян.

В обвинительной речи Демосфена против его бывшего коллеги Эсхина, известной нам под названием «О преступном посольстве», имеются разделы, которые содержат серьезную критику греческого дипломатического метода. Все это очень напоминает дилемму, стоявшую перед нашим собственным правительством в 1938 году. Эта речь Демосфена возлагала на Эсхина вину за преднамеренную медлительность, за неподобающее и, по всей очевидности, небескорыстное доверие к словесным заверениям Филиппа и за представление ложной информации Народному собранию по возвращении. Демосфену было трудно (как было бы трудно современному сенатору Соединенных Штатов, если бы он оказался в подобном положении) возложить вину за эти неудачи на несовершенство конституции или невежественность, доверчивость, трусость и подозрительность афинского Народного собрания. Обвиняя Эсхина, он критиковал порочную систему дипломатии, и его критические замечания не потеряли всей своей значимости и поныне. Разрешите мне процитировать несколько фраз из его речи.

«Послы,— говорил Демосфен,— не имеют в своем распоряжении ни боевых кораблей, ни тяжелой пехоты, ни крепостей; их оружие — слова и благоприятные возможности. Когда проводятся важные переговоры, эти возможности мимолетны. Если они упущены, то упущены навсегда. Лишить демократию благоприятной возможности — это значит совершить более тяжкий проступок, чем сделать то же самое в отношении олигархии или автократии. Их системы правления позволяют предпринимать немедленные действия по слову команды. Что же касается нас, то сперва должен быть извещен Совет, а потом он должен принять предварительное решение. Но и это происходит только тогда, когда вестники и послы присылают письменное донесение. Затем Совет должен созвать Народное собрание, но только в установленные законом дни. После этого приходится отстаивать внесенное предложение перед лицом несведущей и часто недобросовестной оппозиции, и даже когда эта бесконечная процедура исчерпывается, еще больше времени растрачивается на то, чтобы принять не-

ходимое решение об ассигновании средств. Таким образом, сол, который медлит при такой конституции, как наша, не дает нам возможности воспользоваться удобным стечением обстоятельств, не просто упускает благоприятные возможности, а крадет у нас власть над событиями... Мне жется, афиняне, что вы стали безразличными ко всему, по ожидая катастрофу, которая готова обрушиться на с. Вот вы сидите здесь, наблюдая, как несчастья одолеют ваших соседей, и не принимаете никаких мер для бственной обороны! Похоже даже, что вы не видите, какими хитроумными способами постепенно подрывается зопасность вашей страны»*.

Демосфен мог ошибаться в оценке внешней политики, которую следовало проводить Афинам в сложившейся обстановке. Но он, разумеется, был прав в осуждении неумелого метода дипломатии, выработанного великой афинской демократической республикой.

Такое неумение привело к битве при Херонее и к той варварской ночи после сражения, когда Филипп и его генералы, пьяные от вина и победы, шатаясь, выбрались из царского шатра и, восклицая: «Демосфен, Демосфен!»** скатывались при свете луны с груды раздетых тел трупов афинских воинов.

5

Мы могли бы предположить, что римляне с их деловым прагматизмом и отличными административными способностями могли придумать и проводить в жизнь более рациональные методы дипломатических сношений. Но если греки потерпели неудачу благодаря своему природному неумению и неэффективному аппарату, то римляне не успели в этом по вине своего величия. Я не хочу сказать, что Римская империя³² и Pax Romana*** не были тем

* Перевод дан по несколько упрощенному изложению Г. Нильсоном речи Демосфена. Эта речь «О преступном посольстве» имеется в русском переводе: Демосфен, Речи, Изд-во АН СССР, 1954, стр. 304—402 (прим. перев.).

** «Демосфен, сын Демосфена» — полное имя, которым Демосфена официально называли в Народном собрании (прим. перев.).

*** Pax Romana (лат.) — Римский мир.

замечательным чудом, которому нынешний цивилизованный мир должен быть вечно благодарен. Я просто хочу сказать, что римляне всегда стремились навязать свою волю другим народам вместо того, чтобы вести переговоры на основе взаимности. Именно поэтому они не создали системы дипломатических сношений, которая представляла бы достаточную ценность, чтобы занять достойное место среди многочисленных даров, переданных римлянами потомкам.

Можно признать, что с их пристрастием к юридическим формулам они дали ряд терминов, которые, казалось бы свидетельствуют о самых возвышенных принципах международных отношений и устойчивых методах, посредством которых могли бы регулироваться отношения между народами. Они, например, всегда гордились своей доброй волей (*prisca fides*) и осуждали двуличие своих врагов. Каждого римского школьника учили восхищаться честностью сената, передавшего самнитам⁸³ военачальников, которые подписали отвергнутое перемирие после битвы в Кавдинском ущелье⁸⁴. Каждый римлянин умилялся примером Регула⁸⁵, возвратившегося в Карфаген⁸⁶, но не изменившего своему слову. Римляне частенько ссылались на *civitas gentium** или на *ius gentium***, но первое было не более чем громкой фразой, а последнее, по свидетельству Гроция⁸⁷ и др., не всегда служило основой для международного права. Скорее всего «право народов» представлял собой свод превосходных правил, регулировавших отношения между иностранцами и гражданами Рима.

Справедливо также, что римляне рассматривали договоры как подобие юридического контракта; они достаточно часто полагались на свою юридическую изворотливость, чтобы уклониться от выполнения подписанных и ратифицированных договоров. Но коллегия фециалов⁸⁸ и *ius fetiale**** были немногим более, чем архаические пережитки. В лучшем случае они выполняли функции, свойственные отделу договоров нашего министерства иностранных дел, а именно: хранение договоров и других аналогичных документов, проведение протокольных мероприятий и наблюдение за тем, чтобы объявление войны и заключении

* *Civitas gentium* (лат.) — общество народов.

** *Ius gentium* (лат.) — право народов.

*** *Ius fetiale* (лат.) — право фециалов.

ра производились по соответствующей церемониальной рме. Установленная фециалами процедура приводит на мять отрывки из «Золотой ветви»³⁹.

Когда объявлялась война, святой отец — член коллегии фециалов — отправлялся к вражеской границе и пересылал через нее дротик из каленого кизилового дерева, и же, когда времени было в обрез, а граница — далеко, проделывал то же самое перед храмом Беллоны⁴⁰. Если ключался мир, то член коллегии фециалов со скипетром питера, приносящим победу, в руке и в сопровождении югого фециала, несшего росток священной вербены из да с каптолийского холма, приказывал зачитать договор юслам другой договаривающейся стороны, провозглашал юоклятие по адресу того, кто осмелился бы в будущем юрушить его условия, а затем резал горло свинье при пощи древнейшего каменного ножа, оставшегося, очевидно, де от эпохи каменного века. Неудивительно, что, повест-я нам о том, как император Клавдий⁴¹ по личной инициа-ве восстановил этот обычай, Светоний⁴² не мог удержаться от слегка надменной иронии.

Справедливо также, что в самые ранние времена респуб-ки римляне заключали договоры на основе равноправия что первоначальная латинская федерация создавалась юк коалиция равных. В то же время мы находим, что очень юоро за покровительством стали обращаться в римский аптолий, действовавший от имени всей лиги, и что ре-ения стали приниматься без ведома и согласия малых ююзников. Постепенно на смену старой форме коалиции, юсоциировавшейся с такими понятиями, как «дружествен-ый союз», пришли новые формы, согласно которым участ-ки федерации были вынуждены признать величие Рима (*ajestas populi romani*), или, выражаясь более современ-ым языком, передать римскому сенату контроль над внеш-ей политикой и обороной. В коалициях, состоящих из юной господствующей державы и ряда подчиненных сател-тов, методы дипломатии, подразумевающие признание юинципов равенства между суверенными и независимыми юсударствами, проявляют тенденцию к постепенному ис-зновению. Со временем, как отмечал Ливий⁴³, сенат стал юдавать выгоде больше значения, чем справедливости, юдавать предпочтение «пользе» перед «благородством», юполезными он считал любые меры, способствовавшие юкреплению влияния и могущества Рима.

Римская доктрина империализма, убеждение, что римлянам было суждено подчинять другие страны порядка римского мира, что их долгом было подавлять любую оппозицию и щадить только тех, кто признавал их господство помешало им выработать и передать потомкам более или менее приемлемый свод дипломатических правил. Можно только сказать, что они ввели в обиход теоретическое уважение к добросовестности и понимание чисто практической необходимости надежных контрактов. Сделанный им вклад в теорию дипломатии либо не имел моральной ценности как таковой, либо не подходил к миру, состоящему из национальных государств, каждое из которых претендует на равенство с другими. И все же благодаря своему замечательному организаторскому таланту они ввели определенные улучшения в дипломатический аппарат, которыми пользовались, к выгоде или невыгоде, греческие города-государства.

Их послы, называвшиеся либо «нунциями», либо «ораторами», назначались сенатом, который снабжал их верительными грамотами и инструкциями. Только в редких случаях послам предоставлялись достаточные полномочия, и те и них, которые превышали свои полномочия, могли быть привлечены к суду. Послы обычно имели ранг сенатора или избирались из числа наиболее видных представителей сословия всадников⁴⁴. Родосцы были глубоко уязвлены, когда сенат направил к ним посла, который в частной жизни был преподавателем гимнастики — своего рода прототипом Конрада Генлейна, фюрера судетских немцев. Как правило римские послы были людьми, внушающими уважение которые выступали как достойные представители великого державного Рима. Их миссии были кратковременны. По возвращении они докладывали сенату об итогах проведенных переговоров. Сенат, как мы узнаем у Ливия, путем голосования давал оценку их работе.

Правила, относившиеся к приему иностранных послов в Риме, более оригинальны и интересны. Иммунитет, предоставлявшийся послам как в силу древнего обычая, так и по «праву народов», распространялся также и на их сотрудников. Но он, по-видимому, не распространялся на дипломатическую переписку, которая вскрывалась и досматривалась римскими почтовыми служащими. Член

иностранных посольств, нарушившие в той или иной форме местные законы, обычно отсылались под охраной в свою страну, где они представляли перед собственными властями. Поэтому, когда младший сотрудник посольства Югурты⁴⁵ был отдан под суд за убийство в Риме, этот случай рассматривался как отступление от обычной практики. Разногласия, касавшиеся прав и привилегий иностранных дипломатических миссий, рассматривались коллегией фециалов в основном в том же духе, в каком они ныне рассматриваются нашим Отделом договоров. Похоже на то, что иммунитет, предоставлявшийся послам, не распространялся на их резиденции и прислугу. Однако следует помнить, что в те времена не существовало послов-резидентов, владеющих зданием посольства и предметами домашнего обихода. По прибытии в Рим иностранные послы размещались в специальном здании, называвшемся «Греческим двором», и все заботы по их обслуживанию, включая и предоставление прислуги, государство брало на себя.

По мере роста могущества Рима с иностранными посольствами стали обращаться более бесцеремонно. Вражеский властитель или племя, стремящееся к заключению мира, вначале должны были получить разрешение у местного римского военачальника на отправку посольства в Рим. По прибытии в Рим их послы должны были ждать за чертой города в какой-нибудь кишачей крысами таверне, пока сенат не даст знать, что послам можно войти в город. Их принимали, если это вообще имело место, в храме Беллоны. Даже посольства дружественных и якобы равноправных держав по прибытии к стенам Рима должны были извещать об этом государственного казначея и просить разрешения на въезд в город. Если такое разрешение выдавалось, послы и их приближенные размещались в «Греческом дворе», где терпеливо ждали дня встречи с сенатом. Когда этот день наступал, их отвозили в курию — место, где заседал сенат, и они имели возможность обратиться к нему (в случае необходимости — через переводчика). Интересным нововведением было то, что сенаторам разрешалось задавать в индивидуальном порядке вопросы послам после того, как они зачитывали свое заявление. Затем послов отвозили обратно в «Греческий двор» и через некоторое время вызывали снова в курию для получения ответа от сената. Все это вряд ли свидетельствует о каком-

либо существенном улучшении старой системы греческой дипломатии.

Случалось (как, например, с послами Карфагена, прибывшими в Рим в 205 г. до н. э.), что сенат отказывался признать иностранное посольство или выслушать его. В таком случае послов лишали дипломатического иммунитета, объявляли шпионами и под вооруженной охраной доставляли на побережье. К счастью, такого рода дипломатическая практика не прижилась в последующие эпохи.

Римлянами были введены и другие новшества. Они учредили суд рекуператоров⁴⁶, который состоял из двух судей, представлявших каждую из договаривающихся сторон, и нейтрального представителя. Некоторые авторитеты усматривают в этом судебном учреждении, о котором в действительности мало что известно, прообраз арбитражного суда. Сомнительно, однако, чтобы суд рекуператоров обладал какими-либо политическими, дипломатическими или арбитражными функциями. По всей видимости, его функции не превышали тех, которые свойственны теперь так называемым смешанным комиссиям для рассмотрения претензий.

Другим менее похвальным примером введенной римлянами практики было включение в договор положений, предусматривающих получение заложников в качестве гарантов соблюдения договоров. После второй Пунической войны⁴⁷, когда римляне стали неоспоримыми властителями мира и перестали нуждаться в соблюдении принципа равноправия, они продолжали требовать предоставления заложников от побежденных племен и народов, но никогда ни при каких обстоятельствах не выдавали заложников сами. Даже Юлий Цезарь⁴⁸, которого современники считали благороднейшим из воинов, взял не менее 600 заложников у галльских племен. Договоры содержали статьи, в которых устанавливалось число подлежащих выдаче заложников, их имена и звания, пол и возраст по группам, а также указывалось, можно ли было заменять их по прошествии определенного числа лет. Римляне скоро узнали на опыте, что варвары с гораздо большей неохотой выдавали заложников женского пола, хотя требования о выдаче заложников-мужчин также вызывали у них большое неудовольствие. Пока побежденное племя или страна уважали условия своей капитуляции, отношение к заложникам было хорошим, и они наверняка извлекали пользу из своего вынужденного пребывания в Риме. Но если условия до-

говора нарушались, то заложники немедленно подвергались аресту, и с ними обращались, как с военнопленными.

Эта система выдачи заложников в качестве гарантов соблюдения договора, несправедливая сама по себе как в условиях мира, так и в условиях войны, еще долго держалась после римских времен. По условиям Аахенского мира 1748 года⁴⁹ два британских пэра, лорд Саффолк и молодой лорд Кэскарт, были выданы в качестве заложников, чтобы гарантировать возвращение Франции острова Кейп-Брегон⁵⁰. Они провели несколько месяцев в Париже, слоняясь по тавернам и театрам этого города и вызывая насмешки и удивление со стороны французского общества. С тех пор обычай получения заложников применялся только для военных, но не для дипломатических целей.

Не менее интересным нововведением, пригодным, однако, только для державы, занимающей господствующее положение как во время мира, так и во время войны, является установление точных сроков для завершения переговоров. Так, македонским послам, прибывшим в Рим в 197 году до н. э., сразу же сообщили, что, если переговоры не завершатся подписанием соглашения в течение 60 дней, их станут рассматривать не как обладающую иммунитетом дипломатическую миссию, а как шпионов, что повлечет за собой препровождение их под вооруженной охраной к побережью. Эта форма ультиматума (сколь ни соблазнительной она может показаться будущим дипломатам) в наше время не может применяться в таком откровенном виде — теперь приходится использовать более гибкие методы для предотвращения намеренного затягивания переговоров.

Итак, какие мы можем извлечь уроки из дипломатической практики античных времен? Я обращал внимание на три главных достоинства и три главных недостатка дипломатической системы греческих городов-государств. По крайней мере на словах греки признавали, что международные отношения должны основываться на определенных устойчивых принципах. Они сделали многое для развития основ дипломатической техники и международного права. И их приверженность к публичной выработке договоров предохранила их, по крайней мере в период независимости, от кошмара секретных соглашений. С другой стороны, греки не нашли каких-либо средств, которые позволяли бы демократической дипломатии избежать последствий того невыгодного положения, в котором эта дипломатия неизбежно

оказывается, когда имеет дело с деспотическими правительствами. Поскольку Народное собрание было высшей властью, переговоры греков зависели от решений, порой трудновыполнимых, а порой легкомысленных, которые выносились группой плохо информированных граждан, подверженных вспышкам гнева, сентиментальности, страха или подозрительности, склонных в любой момент отказаться от своих прежних мнений и катастрофически медлительных в принятии этих решений. Единственным спасением от этих недостатков было бы создание корпуса хорошо обученных дипломатов, независимых от партийных связей и страстей, пользующихся всеобщим доверием, но в конечном итоге подчиняющихся государственной власти. Вместо этого их посольства составлялись из активных политиканов, остро враждовавших друг с другом, низкооплачиваемых и поэтому подверженных соблазну взятки и к тому же находившихся под угрозой сурового наказания в том случае, если по возвращении они не были бы в состоянии убедить Народное собрание в своем успехе.

Римляне, со своей стороны, сделали многое для того, чтобы внести порядок в международные сношения и придать устойчивый характер договорным отношениям. Но даже во времена республики у них было слишком большое стремление к диктаторству, чтобы уважать требования дипломатической вежливости, и слишком много успехов, чтобы завещать полезные примеры, которые помогли бы потомкам создать полноценные методы ведения дипломатических переговоров. Античным системам дипломатии все же следует отдать предпочтение перед волчьими обычаями, введенными итальянцами в эпоху Возрождения. Я намерен рассмотреть эти обычаи в моей следующей лекции.

II

ИТАЛЬЯНСКАЯ СИСТЕМА

1

С распадом Римской империи и возникновением как на Востоке, так и на Западе ряда независимых и агрессивных варварских государств навязанная Римом прежняя покорность сменилась новым духом соперничества. Политика перестала проявляться в острых альтернативах покорности или восстания, а стала вопросом осуществления противоречивых устремлений государств, вопросом укрепления их национальной безопасности путем умиротворения врагов и приобретения союзников. Это означало, что профессиональная дипломатия — искусство, в котором греки были слишком наглы, а римляне — слишком высокомерны, чтобы изучать или улучшать его, стала одной из отраслей государственного руководства. К несчастью, это искусство, столь необходимое в отношениях между независимыми государствами, пришло в Европу не в ореоле афинской культуры или римской серьезности и достоинства, а в извращенной и дискредитированной форме, порожденной практикой восточных дворов.

Именно византийцы⁵¹ учили дипломатии Венецию⁵², а с венецианцев брали пример итальянские города, Франция и Испания и в конечном итоге вся Европа. Приемы этой дипломатии были запутанными и неразумными. Это были приемы, которые игнорировали практическую ценность искренних переговоров и плели филигранную паутину интриг там, где всегда необходима простота.

Византийские императоры впервые в истории организовали специальное правительственное управление для ведения иностранных дел и подготовки профессиональных дипломатов, которые направлялись в качестве послов к иностранным дворам. Послов снабжали «инструкциями» в письменной форме, их учили всегда быть вежливыми в сношениях с иностранцами и не критиковать, а, наоборот, хвалить то, что они видели за границей. Когда на престол вступал новый император, рассылались специальные посольства, чтобы объявить об этом событии. Что же касается расходов этих посольств, то для их покрытия послам разрешалось брать с собой тюки с товаром, который распродавался за местную валюту по прибытии к месту назначения. Хотя это экономическое мероприятие и предпринималось в отдельных случаях венецианцами, оно не укоренилось в мировой дипломатической практике. Обнаружилось, что главы миссий, финансировавшихся таким образом, были склонны уделять больше внимания извлечению торговой прибыли, чем задаче переговоров. Но другие византийские обычаи засоряли методы дипломатической работы на многие века вперед.

Прежде всего к этому относится слишком большая значимость, придававшаяся в Византии вопросам протокола и церемониала. Император Константин Багрянородный⁵³ написал по этому вопросу объемистый труд, который являлся наставлением для всех наследников его престола. Была создана специальная служба для организации приема иностранных послов, в задачу которой вменялось оставлять у послов соответствующее впечатление и обеспечивать необходимый присмотр за ними.

По прибытии в Константинополь иностранные послы и сопровождавшие их лица размещались в обставленном с большой роскошью специальном здании — «Доме римского гостеприимства», где за каждым их движением, приходившими к ним посетителями и почтой тщательно следила почетная охрана, комплектовавшаяся из тайной полиции. Церемония приема послов обставлялась с максимальной внушительностью. Для того чтобы послы возвращались домой под впечатлением военной мощи Византии, их обязывали присутствовать на нескончаемых парадах, во время которых одни и те же войска, появлявшиеся из одних и уходившие в другие ворота, передвигались по кругу, то и дело меняя вооружение. Для того чтобы ослепить пос-

лов блеском и загадочностью персоны императора, приводились в действие механические устройства, заставлявшие золоченых львов, поставленных у ступеней трона императора, устрашающе реветь, в то время как сам трон приподнимался и опускался наподобие лифта. Таким образом, иностранный посол, поднимая голову после земного поклона, или «проскюнесиса» (само по себе неприятное восточное новшество), замечал, что император был таинственным образом приподнят по сравнению с прежним положением. Или же послу не разрешалось во время первой аудиенции обращаться к императору лично — все подобающие в таком случае комплименты передавались через логофетов⁵⁴.

Имеется забавный, грубоватый и, может быть, не вполне достоверный отчет о дипломатической миссии в Византию в 168 году*. Он был написан Луитпрандом, епископом Кремоны, которого посылали склонить императора Никифора Фоку⁵⁵ дать согласие на брак сына Оттона I⁵⁶ с принцессой Феофано, дочерью покойного римского императора. В своем отчете о посольстве в Константинополь (*Relatio de Legatione Constantinopolitana*) епископ Луитпранд говорит о провале своей миссии с явным удовольствием. Он описывает Никифора Фоку как похожего на жабу человека с отталкивающей внешностью, который имел наглость оспаривать, что Оттон вообще обладает каким-то правом изображать из себя римского императора. Епископ подробно рассказывает, какую отповедь он, как верный слуга своего германского господина, дал отвратительному византийцу. Это первый, хотя и не последний, пример переговоров, принимавших характер обмена оскорблениями.

2

Венецианцы благодаря своим продолжительным и тесным отношениям с Востоком переняли византийскую теорию дипломатии и передали своим итальянским соотечественникам восточную склонность к двуличию и подозрительности. Они первые создали законченную систему дипломатической службы, и мы знаем, что даже сравнительно недавно — в 1740 году — лорд Честерфильд рекомендовал

* Г. Никольсон допускает здесь фактическую ошибку. Действительная дата дипломатической миссии — 968 год (прим. перев.).

своему сыну во время поездок за границу поддерживать знакомство с венецианскими послами, поскольку на них всегда можно положиться как на самых культурных и наиболее информированных людей во всем дипкорпусе. Разрешите мне рассмотреть в общих чертах принципы и практику венецианской дипломатии.

К чести венецианцев надо сказать, что они первые стали хранить свои государственные архивы в систематизированном виде. Их дипломатические документы охватывают период девяти столетий — с 883 по 1797 год — и содержат инструкции и официальные донесения послов, направлявшихся в иностранные государства. До настоящего времени хранится 21 177 таких донесений. Они тщательно описаны и снабжены указателями в регистровых книгах, называемых «рубрикариями». В архивах содержатся итоговые отчеты, представлявшиеся послами синьории⁶⁷ после завершения их миссий. Там также имеются *avvisi*, или информационные бюллетени, при помощи которых послов ставили в известность о событиях в собственной стране. Таким образом, венецианцы первые осознали, что послы неизбежно теряют представление о развитии событий и настроениях у себя на родине и в связи с этим их ценность как дипломатических представителей в известной мере уменьшается. В нашей дипломатической службе эта прекрасная практика была расширена включением в бюллетени копий важных сообщений и телеграмм, получаемых от всех миссий. Наш посол в Стокгольме, например, читая посылаемые ему с двухнедельной почтой бюллетени, получает точные сведения о характере и объеме переговоров, которые проводятся в Токио или в Вашингтоне. Таким образом, его регулярно информируют о дипломатической погоде во всех частях света, а не только в секторе, к которому он имеет непосредственное отношение. Начало этой ценной практики, введенной также и другими правительствами, было положено венецианцами, которые регулярно рассылали своим миссиям информационные бюллетени.

Другие черты венецианской дипломатической практики имели меньшую ценность как пример для подражания. Изданные у них еще в 1268 и 1288 годах правила назначения и деятельности послов дают возможность получить представление о том, какие методы дипломатических сношений они считали правильными. Венецианский посол назначался только на три или четыре месяца — период, который в

XV веке был расширен до максимального предела — двух лет. Ему не разрешалось иметь какую-либо собственность в той стране, куда он направлялся. В случае, если послу вручались те или иные подарки, он был обязан сдавать их синьории по возвращении. Ему не полагалось никакого отпуска, и он должен был представить итоговый отчет синьории по меньшей мере через 15 дней по завершении своей миссии. Послу не разрешалось брать с собой жену, поскольку она могла заняться сплетнями, и предписывалось везти с собой собственного повара, так как иностранные повара могли его отравить.

Таким образом, пост венецианского посла по крайней мере до XVI столетия сулил мало радости. Принятие этого поста было связано с большими расходами, лишением домашних удобств и привязанностей, выходом из политической игры в собственном государстве, тяготами путешествий, разбойниками, ужасающими тавернами и различными болезнями, которые свирепствовали за границей. Поэтому неудивительно, что назначение на пост посла было принудительным. По указу 1271 года на любого венецианца, который отказывался принять пост посла, налагался крупный штраф. Сумма этого штрафа неоднократно повышалась последующими указами. Мы находим подобные положения и во флорентийских «Правилах для послов» 1421 года. Если назначенный послом гражданин не проявлял «расторопности и послушания» на занимаемом им посту, он подвергался суровому наказанию, вплоть до лишения гражданских прав. Еще в XVI столетии Гвиччардини⁵⁸ выражал сожаление по поводу того, что наиболее видные флорентийцы уклонялись от выполнения дипломатических поручений, ввиду чего правительство было вынуждено назначать послов из числа клерков и служащих. Гвиччардини, наверное, имел в виду способного и предприимчивого государственного служащего по имени Никколо Макиавелли⁵⁹.

Так как венецианцы были убеждены, что все иностранцы, и в особенности все иностранные дипломаты, занимаются шпионажем, поэтому соответствующие постановления венецианцев в этой области позволяют нам почерпнуть и некоторые другие сведения. Постановление, принятое в 1481 году, запрещало венецианским послам обсуждать политические вопросы с частными лицами иностранного происхождения или упоминать о политике в своих частных письмах. В следующем году было принято постановление,

предусматривающее изгнание и штраф в размере 2 тыс. укатов в качестве наказания для любого гражданина Венеции, который осмелился бы обсуждать государственные дела с иностранным дипломатом. Это бессмысленное отношение к иностранным представителям как опасным эмиссарам, которых следует избегать, как прокаженных, ушло в прошлое с наступлением эры здравого смысла.

3

1492 год является важной вехой в эволюции дипломатического метода. В этом году умер Лоренцо де Медичи⁶⁰. На папский престол вступил Борджа⁶¹. До этого времени великий флорентиец был признанным хранителем мира в Италии. Святой отец почитался духовным посредником между государствами, естественным председателем как бы назначенного свыше третейского суда. Если считалось, что папа олицетворял собой совесть всего человечества, то признавалось также, что в лице императора Священной Римской империи⁶² воплощалась, по крайней мере номинально, старая концепция всемирного суверенитета. Как только папа сам вступил на арену политической борьбы, как только император перестал обладать непререкаемой властью, открылся путь для лихорадочной конкуренции между мелкими итальянскими государствами. Даже древний принцип объединения христиан против неверных был принесен в жертву погоне за богатством. Венеция и Генуя⁶³ стали соперничать друг с другом в установлении торговых отношений с оттоманским султаном⁶⁴, а 25 февраля 1500 г. турецкий посол был принят в самом Ватикане. Тем временем Людовик XI⁶⁵, объявив себя назначенным, но независимым христианским сувереном, утвердил Францию в качестве третьей силы в Европе. Задолго до Макиавелли он провозгласил, что интересы государства стоят выше морали, и сделал двуличие элементом дипломатической техники. Посылая послов в Бретань, он дал им такие циничные инструкции: «Если они будут вам лгать, не стесняйтесь лгать им еще больше». И все же дипломатический метод, зародившийся в XV веке, по своему существу был итальянским методом, и его следует рассматривать как таковой.

Все образовавшиеся в Италии государства, за исключением, может быть, Венеции, имели одну общую черту — они

были физически слабыми. Они не располагали хотя бы подобием национальных армий или милиций, а в защите от посягательств врагов они полагались исключительно на ненадежные силы наемников. Эти государства были ослаблены изнутри действиями опасных «пятых колонн», и когда неотвратимое вторжение извне встречалось с их разобщенностью, эти государства рушились почти без всякого сопротивления. Свою хрупкую государственность, свои жалкие средства обороны они пытались дополнить дипломатическими комбинациями. Даже по сей день итальянское слово «комбинации» имеет зловещий смысл. Сознвая эфемерность своего существования, эти деспоты и олигархи добивались только ближайших результатов. Они и не помышляли о ценности политики дальнего прицела или о создании атмосферы взаимного доверия. Для них искусство переговоров было азартной погоней за крупными и немедленными выигрышами. Оно было для них сплетением хитрости, риска и жестокости, громко называемом ими «*virtù*»*.

В трудах Макиавелли изложена общая концепция, вдохновлявшая их на бесконечную возню с равновесием сил. Сегодня нам внушают, что было бы ошибочно считать этого великого писателя циничным человеком, что мы должны считать Макиавелли просвещенным патриотом, мечтавшим об объединении Италии. Как нам говорят, его ужасала мысль, что физическая слабость и разобщенность могли привести Италию к потере ее свобод и утвердить в ней навеки гнет и господство иностранных королей. Он признавал в Цезаре Борджа⁶⁶ беспощадную волю, мастерскую расчетливость и быстроту в принятии решений, то есть именно то, что, по его мнению, могло спасти Италию от порабощения французами, испанцами или германцами. Нас уверяют, что он не ставил перед собой цель составления руководства для будущих дипломатов, что он просто написал «трактат о своей эпохе», в котором с поразительной ясностью показаны болезни, одолевавшие Италию того времени. Он не имел в виду предложить какую-то доктрину для всех времен, но давал толкование понятию *la verità effettuale*,

* *Virtù* (итал.) — в современном итальянском языке — добродетель, доблесть. В трудах Макиавелли *virtù* имеет более широкий смысл: полнота человеческой силы, ума и воли, направленных на благо государства (прим. перев.).

или «действенной правды», в том смысле, в котором он познал ее при жизни.

Это, может быть, правильный исторический подход к оценке Макиавелли, но тем не менее можно лишь сожалеть, что его влияние распространилось так широко и пустило такие глубокие корни. Очень многие европейские суверены, такие как Карл V⁶⁷, Филипп II⁶⁸ и Генрих IV⁶⁹, считали книгу «Государь» своим политическим руководством, и общая теория, гласящая, что безопасность и интересы государства стоят выше всех этических соображений, была принята и расширена впоследствии такими великими людьми, как Гегель⁷⁰ и Трейчке⁷¹. Результаты этого, как мы знаем, оставляли желать много лучшего.

4

Современники и последователи Макиавелли надолго запятали теорию и этику дипломатического искусства, и все же они сделали многое для развития и даже улучшения приемов дипломатической практики своего времени. Разрешите мне теперь рассмотреть некоторые идеи и обычаи, зародившиеся в основном в Италии в течение XV—XVI столетий.

Наибольшее значение, разумеется, имело учреждение постоянных дипломатических миссий с послами, проживающими в столицах государств, в которых они аккредитованы. Хотя еще с 453 года папы назначали постоянного представителя, или «апокрисария», при византийском дворе и хотя архиепископ равеннский в течение долгого времени держал посланника, или «респонсалия», при римской курии, первое постоянное посольство в современном смысле этого понятия было аккредитовано в 1450 году герцогом Миланским при дворе Козимо деи Медичи⁷². Избранным для этого случая послом был Никодем деи Понтрамоли, прозванный современниками «сладчайшим Никодемом». В течение последующих 15 лет этому примеру последовали почти все итальянские и европейские государства. Таких представителей вначале называли не «послами», а «ораторами-резидентами». Следует отметить, что слово «посол», преобразованное романскими языками из кельтского слова «слуга» и, насколько мне известно, впервые упомянутое в записках Юлия Цезаря «О галльской войне», стало широко употребляться не ранее середины XVI столетия, когда

император Карл V постановил, что это звание должно при-
заиваться только представителям коронованных особ
еспублики Венеция, но не должно применяться в отноше-
ии представителей других республик или свободных
ородов.

В первое время послы не избирались из числа знати или
редставителей правящих классов.

Людовик XI поставил своего братора во главе по-
льства к Марии Бургундской, Флоренция послала апте-
аря по имени Матвей Пальмерий в Неаполь, а доктор
е Пуэбла, который в течение 20 лет представлял Испанию

Лондоне, был так грязен и неотесан, что Генрих VII⁷³
отребовал, чтобы преемник этого посла был человеком,
учше приспособленным к общению с людьми. Наши соб-
венные первые послы, как, например, Джон Стайл и
ичард Пейс, были людьми невысокого происхождения.
имская курия стала первой настаивать на том, чтобы ди-
ломатические представители подбирались из среды выс-
их классов. В 1459 году Пий II отказался принять вери-
ельные грамоты иностранного посланника на том основа-
ии, что он не отвечал требованиям, предъявляемым посу-
у,— «quod esset dignitate legationis obscurior»*. В те
авние времена не считалось также обязательным, чтобы
осол был уроженцем страны, которую он представлял.
Так, итальянец Спинелли представлял Генриха VIII⁷⁴ в
идерландах, и, кроме того, существовали международные
рофессиональные дипломаты, такие как поляк Ласки,
испанец Ринкон или венгр Франджипани, которые в раз-
ое время служили различным хозяевам. В исключитель-
ых случаях купцам, проживающим в иностранных столи-
цах, давался статус «подпосла»**. Так, Венеция назначила
дного, а затем другого подпосла в Лондоне, чтобы не по-
ылать кого-либо из своих патрициев, поскольку «путешест-
ие на английские острова слишком длительно и опасно».

В течение долгого времени постоянные послы вызывали
большое подозрение, поскольку предполагалось, что они
могли использовать свой дипломатический иммунитет в

* Quod esset dignitate legationis obscurior (лат.) — так как
он был слишком темен, чтобы удостоиться роли посла (прим.
перев.).

** Sub-ambassador (англ.) — в советской исторической литера-
туре встречается перевод этого слова как «помощник посла» (прим.
перев.).

целях шпионажа. Бэкон⁷⁵ рассказывает, что Генрих VI с таким предубеждением относился к пребыванию иностранных послов в Англии, что незадолго до своей смерти решил совсем прекратить эту практику. Филипп де Коммин⁷⁶, выражая давно установившееся мнение, заявлял: «Отнюдь не безопасное дело—отправлять и принимать большое количество посольств». Даже в 1653 году швейцарский посланник при Кромвеле⁷⁷ докладывал, что любой член парламента который вступал в разговор с иностранным послом, рисковал потерей места. В Москве в 1660 году к иностранным дипломатам относились почти как к военнопленным⁷⁸, а в Турции к их услугам всегда был Семибашенный замок⁷⁹. Эта подозрительность в отношении иностранных послов в течение долгого времени умаляла уважение к ним даже в их собственных странах. Считалось, что послы могли воспринять чужеземный образ мыслей и потерять свой национальный характер. Было бы преувеличением утверждать, что эта атмосфера подозрительности (в основном восточный недостаток) полностью исчезла в нашу просвещенную эпоху. Даже в нашей стране на профессионального дипломата смотрят почти как на иностранца, как на некоего космополита, каковым он и является на самом деле.

Интересно рассмотреть, какие необходимые качества требовались от посла в XV и XVI столетиях. Имеется много учебников и мемуаров того времени, указывающих, что интеллектуальный и моральный багаж хорошего дипломата должен включать в себя по крайней мере девять следующих элементов.

Дипломату следует быть хорошим лингвистом, и прежде всего отлично владеть латынью, которая в то время была *lingua franca* (общий язык). Он должен сознавать, что все иностранцы вызывают подозрение, и поэтому скрывать свою хитрость, принимая облик обходительного светского человека. Он должен быть гостеприимным и иметь отличного повара. Он должен быть человеком хорошего вкуса, обладать высокой эрудицией и поддерживать знакомство с писателями, артистами и учеными. Он должен быть терпеливым человеком по своей природе, готовым неторопливо вести переговоры, соперничая в этом даже с тем изощренным искусством топтания на месте, которое было свойственно Ватикану. Он должен быть невозмутимым и способным принимать плохие известия, ничем не выдавая своих чувств, и выслушивать без малейших признаков раздра-

ения, как злословят по его адресу и извращают его слова. го частная жизнь должна быть настолько аскетической, гобы не давать врагам никакого повода к распространению кандалных слухов. Он должен быть терпеливым к проявлениям неосведомленности и глупости со стороны своего собственного правительства и уметь умерить категоричность получаемых им инструкций. Наконец, он должен омнить, что явные дипломатические победы оставляют другой стороны чувство унижения и стремления к реаншу. Хороший дипломат никогда не должен прибегать угрозам, нажиму или брани.

Разумеется, это — хорошие наставления, и я сам рекомендовал бы их молодым дипломатам, хотя и мог бы сформулировать их в несколько иных выражениях.

Дипломатический метод, применявшийся итальянцами XVI веке, не был столь примерным. Их послы обычно набжались двумя вариантами инструкций, один из которых предназначался для публики, а другой был секретным. Ислам предписывалось приспособляться к местным условиям и рассчитывать, сколь глубоко они могут проникнуть в местные политические интриги. Хотя послы Венеции и прибегали изредка к политическим убийствам, считалось, что это не самый безопасный способ избавиться от противника. Предпочитали подрывать позиции оппонентов, дискредитируя их мотивы. Людовик XI, король Франции, особенно преуспевал в искусстве сеять подозрения. Еще более важным считалось искусство приобретения лиятельных друзей. Одной лишь обходительности для того было недостаточно: приходилось раздавать с большим тактом и разборчивостью взятки, субсидии и другие поощрения. В XVI столетии, как и в течение двух предшествовавших столетий, для государственного деятеля или придворного вовсе не считалось зазорным принимать енежные подарки от иностранных государств. Даже придворные дамы и кардиналы римской курии ждали подарков от иностранных послов. Те редкие оригиналы, которые твергали взятки, не отказывались от других поощрений, аких как титулы, ордена, геральдические, академические или гражданские почести.

Сколь ни разнообразной была эта практика, все же она ограничивалась несколькими правилами. Считалось недопустимым получать деньги с целью предательства интересов своей собственной страны. Получить одновременную

взятку, даже в размере нескольких тысяч дукатов, считалось менее зазорным, чем получать регулярную субсидию. И все же тот факт, что итальянские государства применяли такие методы, заставляет лишь пожалеть, что они положили начало современной дипломатии.

Я должен упомянуть о двух функциях дипломатической службы, которые играли большую роль в XVI столетии, но потеряли свое значение или полностью исчезли в настоящее время. В ту эпоху, когда не было газет и иностранных корреспондентов, посол считался первым и главным источником информации. Дипломатические архивы того времени забиты замечаниями правительств в адрес своих послов в связи с тем, что последние своевременно не представляли достаточно полной информации по тому или иному вопросу, а также ответными оправданиями послов. Так, в 1505 году венецианский посол во Франции Маврочено писал, что синьории было легко обвинять его в запаздывании с присылкой новостей, в то время как сама синьория не брала на себя труд сообщить ему какие-нибудь сведения, которыми он мог бы обменять на другую информацию. И если уж не то пошло, писал он, то почему ему так и не прислали охотничьих соколов, которых он обещал подарить кардиналу д'Амбуазу? «Вы предаете своих ораторов», — жаловался Маврочено, как и многие послы после него.

Чрезвычайное значение, придававшееся быстрому получению новостей (эта функция в настоящее время выполняется телеграфными агентствами и газетами), послужила основной причиной установления постоянных посольств, и оно же обрекало послов на постоянное пребывание при дворе. Им приходилось сопровождать суверена, при котором они были аккредитованы, даже тогда, когда тот на ходился в своей охотничьей резиденции или был на войне, отдыхал в сельской местности или лежал в постели больной. Эта необходимость была пыткой для послов, вынуждая их всегда быть готовыми отправиться в путь или по нескольку дней находиться в седле и ночевать в ужасающих тавернах. Столь же невыносимым такое положение было и для самих королей и их министров. Монархи того времени проявляли немало изобретательности, чтобы перехитрить дотошных дипломатов, и забавлялись, обрекая их на ненужные усилия и перемещения. В наши дни эти функции выполняются газетными корреспондентами, которые в своей массе являются более молодыми и предприимчивыми людьми.

ли. От посла лишь требуется комментировать в тиши своего кабинета получаемую им информацию.

5

Три тома объемистого труда г-на де Мод-ла-Клавье-жа⁸⁰ «Дипломатия времен Макиавелли» представляют собой источник, из которого можно почерпнуть важнейшую информацию со множеством фактических примеров. Мы узнаем из него, сколь быстро и широко дипломатическое искусство, созданное итальянскими государствами эпохи Возрождения, копировалось другими иностранными дворами, а также в какой степени современная теория и практика дипломатии происходят от этих достойных сожаления методов. Я рассмотрю метод переговоров, разработанный в XV и XVI столетиях, в трех его проявлениях, а именно: заключение договоров, дипломатия путем конференций, а также вопросы старшинства, которым тогда придавалось гораздо большее значение, чем они того заслуживают.

Заключение договоров, по крайней мере в XV столетии, все еще осложнялось существованием феодальных традиций и принципом папского главенства. Сюзерен мог заявить, что какое-либо небольшое государство по закону состоит в вассальной зависимости от него и таким образом не имеет права представительства (*droit d'ambassade*) или права заключать договоры с другими государствами без его одобрения. Так, король Франции утверждал, что Наварра, Беарн и графство Фуа не могли быть объектом переговоров между другими государствами, поскольку их следовало считать входящими в сферу внутренней политики французского двора. Папа время от времени провозглашал свое право вмешательства, основанное на принципе «папе принадлежит право водворять мир между христианскими государями» («*ad Papam pertinet pacem facere inter principes christianos*»). В наше время аналогичная ситуация возникает, когда какая-нибудь держава заявляет, что данный вопрос, затрагивающий, скажем, права Кипра или Марокко, относится к области внутренних дел метрополии и, таким образом, не может являться предметом международного обсуждения.

Несмотря на эти трудности, переговоры велись часто, и договоры принимали сложные формы. Помимо обычных договоров в нашем понимании этого слова имелись «прото-

колы соглашения», содержавшие перечень согласованных пунктов, но часто не имевшие подписей договаривающихся сторон. Существовали также «эндентуры» («*endentures*») — документы, разрезанные зигзагом на две части, каждая из которых оставалась у одной из сторон. В дополнение к этому практиковалось утверждение договоров папскими нотариусами, причем такие договоры рассматривались как наиболее обязывающие, имеющие наибольшую силу (*validissima et amplissima*), и французы называли их «подлинным актом» («*acte authentique*»). Только папа мог освободить монархов от данной ими клятвы, и только он мог отлучить от церкви тех из них, кто нарушал обязательства, торжественно закрепленные ватиканским нотариусом. Например, известен договор между Людовиком XI и герцогом Бретонским, содержащий пункт, согласно которому оба государства недвусмысленно обязуются воздерживаться от обращения к папе с просьбой об освобождении их от принятых ими клятв.

Ратификация договоров принимала необычайно торжественную форму. Это были огромные листы пергамента, на которые наносились не только условия договора или записи о полномочиях послов, но также длинные афористические пассажи о мире, справедливости и добродетели. Подразумевалось, что суверен не мог отказаться от ратификации договора, согласованного послом, имевшим соответствующие полномочия, за исключением тех случаев, когда можно было показать, что послом было допущено вопиющее превышение данных ему инструкций. Как Гвиччардини, так и Макиавелли были приведены в ужас поступком Фердинанда и Изабеллы, отказавшихся ратифицировать договор с Францией, согласованный и подписанный испанскими послами, имевшими на то полномочия. Такая практика, справедливо указывали они, могла бы сделать невозможным проведение любых серьезных переговоров между государствами, если бы она превратилась в обычай. Им показался бы невероятным, например, факт отклонения сенатом Соединенных Штатов в 1919 году договора, согласованного и подписанного самим президентом⁸¹. Им было бы трудно разобраться в тайнах американской конституции.

Кроме договоров по политическим вопросам существовали весьма разнообразные виды торговых договоров (*acte d'entrecours*), в которых предусматривался, часто с мельчайшими подробностями, порядок взаимной торговли

и предпринимательства. Хорошим образцом такого договора является торговый договор, заключенный между Англией и Флоренцией в 1490 году. Согласно его статьям, Англия обязалась предоставить Флоренции монополию на торговлю шерстью в Италии, в то время как Флоренция обязалась разрешить английским купцам организовать свою корпорацию в Пизе во главе с собственным консулом. Разбирательство всех споров между гражданами Пизы и английскими купцами поручалось смешанному суду, в который зходили консул и подеста⁸². Таким образом, старая греческая идея проксена воплотилась в фигуре *baglio*, или консула, который обычно назначался и оплачивался местными купцами, выходцами из его страны, и выполнял судебные функции, развившиеся позднее в капитуляции⁸³ в том виде, в каком они существовали до недавнего времени в Леванте⁸⁴ и на Дальнем Востоке. До конца XVI века существовала система, по которой купец-кредитор мог получить «разрешение на репрессалии» (т. е. на захват в собственной стране имущества какого-либо купца из страны, в которой проживал его должник). Так, английский купец, не имея возможности взыскать долг с генуэзского купца, имел право на возмещение за счет генуэзского имущества в Лондоне или Бристоле. Эта система порождала немало ожесточения и несправедливостей, и ее отмена была провозглашена таким авторитетом, как г-н де Мод-ля-Клавьер, «величайшей победой дипломатии за многие столетия». Были сделаны и другие пробные попытки навести порядок в хаотической неразберихе, царившей в международной торговле. К числу таких попыток относилось создание венецианского «Морского консулата» («*Consolato del mare*»)⁸⁵ и «Амальфийских таблиц» («*Tabula Amalphitana*»)⁸⁶ — правовых сборников для разрешения споров о судоходстве между торгующими государствами. Такие соглашения, разумеется, были шагом вперед по сравнению с предшествовавшей им системой пиратства.

Даже в XV столетии профессиональные дипломаты с большим сомнением относились к методу, известному в настоящее время как «дипломатия путем конференций», который в те дни имел форму личных встреч между суверенами. Всегда существовала опасность, что один из монархов захватит другого монарха, и по этой причине такие встречи обычно проводились на середине моста, где два суверена могли обмениваться комплиментами через воздвигнутую

между ними крепчайшую дубовую перегородку. Этот оригинальный способ был возрожден Наполеоном в 1807 году, когда он встретился с Александром I⁸⁷ на плоту, поставленном на якорь посреди реки Мемель. Таким личным встречам были присущи и другие недостатки. Они были непомерно дороги, поскольку стороны пытались затмить друг друга показным великолепием. Эти встречи порождали преувеличенные надежды в своих странах и глубокую подозрительность за рубежом, давали ход множеству беспокойных слухов, и, поскольку достигнутые соглашения могли быть только устными, имелись все возможности для увиливания и расхождений в будущем. Более того, всегда существовала опасность, что два суверена, не имея привычки к общению с равными и скорее всего не владея общим языком, могли расстаться с чувством глубокой личной неприязни. Эдуард IV⁸⁸ отлично говорил по-французски, но его беседа с Людовиком XI сквозь перегородку на мосту через реку Сомма, состоявшаяся в тот момент, когда семь тысяч английских солдат слонялись вдребезги пьяными по улицам Амьена, не дала каких-либо ощутимых результатов. И после того, как тот же самый хитрый король Франции встретился с королем Кастилии на мосту через реку Бидассоа в 1462 году, он так и не оправился от неприятного чувства, оставленного этой краткой, но резкой встречей. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Филипп де Коммин, один из опытнейших, хотя и не честнейших, дипломатов своего времени, высказал следующее мнение о дипломатии путем конференций: «Два великих государя, которые хотя и установить хорошие личные отношения, никогда не должны встречаться лицом к лицу, но должны сноситься через доверенных и мудрых послов».

Другим неудобством, унаследованным от дипломатических методов эпохи Возрождения, было непомерное внимание к вопросам церемониала. По прибытии в страну послам часто приходилось в течение многих недель согласовывать все детали своего официального приема и вручения верительных грамот. Должен ли король спуститься со ступеней трона, чтобы принять грамоты, или просто сделать движение ногами, которое бы символически показывало его желание поступить именно так? В какой момент этой процедуры посол должен снять или приподнять шляпу? Предложит ли король послу присесть хотя бы на минутку? Если посол произнесет свою речь по-латыни, как это де

иалось обычно, то должен ли король ответить на том же или на родном языке и должен ли он ответить вообще? Эти дела, хотя и кажутся нам несущественными, являлись предметом долгих обсуждений и бесконечной переписки.

Проблема старшинства была еще более серьезной. Первоначально старшинство послов определялось древностью государств, которые они представляли. В 1504 году папа Олий II составил таблицу старшинства, согласно которой император возглавлял список, король Франции занимал второе место, король Испании—третье и т. д., и т. д., вплоть до мелких герцогов, деспотов и принцев. По этой таблице английский король значился седьмым в списке, после короля Португалии и перед королем Сицилии. В результате заката папской власти, изменений в соотношении сил и образования новых, громогласно возвестивших о себе национальных монархий первоначальный список, разумеется, стал вызывать возражения. Испанцы, например, никогда не соглашались с тем, чтобы их послы считались рангом ниже, чем послы короля Франции. Торжественная обстановка дворцовой жизни, ход переговоров и заключение договоров нарушались бесконечными спорами на эту тему. Часто дело доходило до неприятных инцидентов. Наиболее примечательный из них случился в Лондоне в 1661 году, когда кучер испанского посла пытался объехать карету французского посла и возникло целое сражение, повлекшее за собой смерть нескольких лакеев и кучеров, разрыв дипломатических отношений между Парижем и Мадридом и возникновение очень серьезной угрозы войны. В 1768 году во время дворцового бала в Лондоне французский посол, заметив, что русский посол сел рядом с австрийским послом, обошел его за креслами и насильственным образом втиснулся между ними. Это привело к дуэли и тяжелому ранению русского посла. Такая щепетильность в вопросах старшинства затрудняла также подписание международных договоров, так как каждый представитель утверждал, что честь его суверена будет задета, если он поставит свою подпись под подписью представителя другой страны. В течение определенного периода это затруднение разрешалось при помощи абсурдного приема, заключавшегося в том, что подписи располагались кружком, не давая таким образом преимущества какой-либо из подписавшихся стран. Неудобство этого метода повлекло за собой принятие системы альтерната, согласно которой изготавливается не-

сколько экземпляров одного и того же договора, для того чтобы каждая сторона могла подписаться первой на своем экземпляре. Эта система связана с проволочками и большим количеством ненужной работы. Нам кажется странным, что европейские государственные деятели не могли осознать вплоть до 1815 года всю абсурдность этой проблемы старшинства, унаследованной ими от средневековья. Регламентом Венского конгресса⁸⁹ были установлены четыре класса дипломатических представителей, а именно: послы и папские легаты, полномочные министры, министры-резиденты и поверенные в делах. Старшинство внутри этих категорий определялось в зависимости от давности представления верительных грамот. Старший посол, а именно тот, кто находился на этом посту дольше других, назывался старшиной, или дуайеном, дипломатического корпуса. На Аахенском конгрессе⁹⁰, состоявшемся три года спустя, было дополнительно решено располагать подписи сторон при подписании договоров в алфавитном порядке. Эти отличные правила разрешили проблему старшинства по крайней мере на сотню лет вперед.

Возможно, сейчас уже настало время, когда эти правила могут быть с успехом модернизированы. Плеяды послов, составляющие блестящее общество в современных столицах, вполне смогут быть разделены международным соглашением на ряд категорий сообразно могуществу и обязательствам представляемых ими стран. Можно также пересмотреть старый алфавитный порядок, который базировался на французском языке, поскольку остается неясным, какой первой буквой следует обозначать Соединенные Штаты Америки, Соединенное Королевство или Россию, когда документы составляются на языках этих стран. Все эти проблемы, однако, не идут ни в какое сравнение с продолжавшимися до начала XIX столетия мучительными спорами по вопросам старшинства, унаследованными непосредственно от запутанной и остро конфликтной системы дипломатии итальянского Возрождения.

Эти методы были несостоятельны как в теории, так и на практике. Итальянцы учили, что международная справедливость должна быть всегда подчинена национальным выгодам, для этой цели были подобраны методы обмана, оппортунизма и вероломства. Итальянцы сделали этим немало для того, чтобы бросить тень на все дипломатическое искусство. Добиваясь немедленных результатов в переменчивых усло-

виях, они увлекались преходящими комбинациями и игнорировали то, что может быть названо «постепенностью» в нормальных переговорах. Выработка более разумного и, следовательно, более надежного метода дипломатических сношений была делом государственных деятелей XVII и XVIII веков.

В следующей лекции мы познакомимся с улучшениями, которые были произведены в ту эпоху.

III

ФРАНЦУЗСКАЯ СИСТЕМА

1

В предыдущей лекции я говорил, что дипломатия понесла большой урон от ложных представлений, переданных по наследству Византией итальянцам эпохи Возрождения. Я высказывал мысль, что ненадежность их метода с присущими ему пороками коварства и подозрительности объяснялась в основном шаткостью их государств и что вакуум, образовавшийся в результате ослабления папской и императорской власти, был заполнен лихорадочной погоней за властью, сменой неустойчивых комбинаций. Этой хаотической практике был положен конец в значительной степени благодаря влиянию и силе двух замечательных людей — великого правоведа-международника Гроция и выдающегося государственного деятеля Ришелье⁹¹.

Гуго Гроций из Дельфта был редким вундеркиндом и оставался таким вплоть до своей смерти в возрасте 62 лет. Еще в детские годы он писал латинские гекзаметры⁹² исключительной чистоты и точности и редактировал труды карфагенского юриста Марсиания Капеллы⁹³. В возрасте 15 лет он состоял на службе у графа Юстина Нассауского и был самым молодым сотрудником посольства при французском дворе. К 17 годам он написал 3 пьесы по-латыни, которые имели успех далеко за пределами кружка голландских гуманистов. В возрасте 20 лет он был назначен официальным историографом Генеральных штатов⁹⁴, а в возрасте 21 года уже закончил вчерне свою знаменитую работу «О праве войны и мира».

Я не говорю о Гроции как о правоведе или о влиянии его творчества на развитие международного права. Меня

интересуют его вклад в общую теорию дипломатии и выдвинутые им принципы лучшего регулирования международных отношений. С этой точки зрения можно сказать, что именно Гроций был отцом четырех важных принципов.

В эпоху острых религиозных конфликтов он говорил, что в попытках католиков и протестантов навязать друг другу свои догмы нет никакого смысла. Если бы они сменили бурные чувства на спокойную работу мысли, говорил Гроций, человечество было бы избавлено от многих бессмысленных потерь и жестоких страданий.

Он утверждал также, что над всеми противоречивыми доктринами, над всеми династическими или национальными устремлениями стоит естественное право, органически развившееся из человеческого сознания и разума. Это право должно занять место ушедшей в прошлое власти папы и императора. Оно не зависит от королей, правительств или законов. Это право древнее их и гораздо более долговечно, так как оно является порождением рационального начала в человеке. Если человечество не признает и не примет естественное право, ничто не сможет остановить разгул международной анархии.

Он говорил, что, если естественное право не будет принято к руководству, теория равновесия сил из принципа самосохранения превратится в источник опасности. Справедливое равновесие не будет обеспечено, если правители мира не осознают, что их политика и их действия помимо национальных интересов должны руководствоваться определенными принципами.

Далее Гроций был первым мыслителем, предложившим создать какой-то орган, при помощи которого осуществлялось бы естественное право. Его идея заключалась в том, чтобы христианские державы, как католические, так и протестантские, создали «какого-то рода орган, в ассамблеях которого споры разрешались бы суждениями незаинтересованных сторон». Он понимал, что такой орган был бы не более чем говорильней, если бы ему не было дано право налагать санкции. С этой целью он предлагал, чтобы «были найдены средства для принуждения сторон соглашаться с разумными условиями».

Такие принципы и рекомендации далеко опережали общее состояние общественного мнения 1625 года. Поэтому не удивительно, что Гроций был заключен в крепость и после своего драматического побега погиб на чужбине,

найдя смерть среди песков и утесов пустынного побережья Балтийского моря.

Гуго Гроций был идеалистом. Нужно было пройти трем столетиям и разразиться многим войнам, прежде чем какой-либо государственный деятель попытался провести его идеи в жизнь. И все же его современник кардинал Ришелье, который прежде всего был реалистом, успешно осуществил в течение своей жизни ряд реформ как в теории, так и в практике дипломатии.

Ришелье первым пришел к выводу, что искусство переговоров должно быть предметом постоянной деятельности, а не усилий, предпринимаемых от случая к случаю. В своем политическом завещании он провозгласил принцип, что дипломатия должна ставить целью не случайные или конъюнктурные соглашения, а создание прочных взаимоотношений. Даже переговоры, не увенчавшиеся успехом, не следует рассматривать как потраченные напрасно усилия, так как они всегда полезны для приобретения опыта и знаний. Таким образом, Ришелье первым провозгласил заповедь о том, что дипломатия должна быть не просто единовременным актом, а постоянным процессом. Это было, разумеется, важным открытием.

Кроме того, Ришелье внушал своим современникам, что интересы государства всегда стоят на первом месте и являются незыблемыми. Они не могут приноситься в жертву сентиментальным, идеологическим и доктринальным предрассудкам и привычкам. Если национальные интересы требовали заключения союза с запятнавшим себя или даже еретическим государством, то нельзя допускать, чтобы чьи-то чувства или вкусы помешали последовать этой необходимости. В моменты опасности следует выбирать союзников не за их порядочность и привлекательность, а исходя из их военной и даже географической полезности.

В эпоху неоспоримого единовластия Ришелье первым заявил, что никакая политика не может увенчаться успехом, если ее не поддерживает национальное общественное мнение. К каким бы секретным методам ни прибегал он сам и отец Жозеф⁹⁵, он понимал, что необходимо предпринимать определенные шаги для того, чтобы информировать и инструктировать тех, кто оказывал влияние на мысли и чувства народа в целом. Он первым установил систему внутренней пропаганды. Pamфлеты, которые писались и распространялись по его указанию (он называл их «*Mes petits*

écrits» — «Мои листки»), имели целью создать информированное общественное мнение, благоприятно настроенное в отношении проводимой им политики. Я думаю, что это было шагом вперед. Давайте по крайней мере заявим, что это было шагом вперед.

Кардинал постоянно внушал всем своим послам и сотрудникам важную мысль о том, что любой договор является очень серьезным делом, а поэтому их следует заключать при соблюдении крайней осторожности. Если договор согласован, подписан и ратифицирован, то следует соблюдать его (я цитирую собственные слова Ришелье) «с религиозной скрупулезностью». Он требовал, чтобы послы и другие участники переговоров ни в коем случае не превышали своих инструкций, поскольку, поступая таким образом, они могли скомпрометировать добрую волю своего суверена. Я не хочу утверждать, что этот принцип неизменно соблюдался французской дипломатией XVII столетия. Я просто хочу сказать, что наиболее выдающиеся дипломаты этой эпохи требовали соблюдения такого принципа не только по этическим, но и по практическим соображениям.

Влияние Ришелье на современную дипломатическую мысль и практику было определяющим. Образ его действий, равно как и его наставления, не всегда заслуживали одобрения, но он установил важный принцип, гласивший, что наиболее существенным из всех компонентов серьезной дипломатии является элемент определенности. Эта определенность заключается не только в том, что переговоры должны завершаться соглашениями, текст которых был бы настолько точен, чтобы он не оставлял места для уверток и разногласий в будущем, но также и в том, чтобы каждая из сторон с самого начала была уверенной в том, что другая сторона в действительности представляет суверенную власть своей страны. Если нет определенной уверенности, что подписанное соглашение будет ратифицировано и превращено в жизнь, то в ходе переговоров не имеет смысла идти на взаимные уступки, а международные конференции превращаются в сборища, занятые развлекательством, разглагольствованиями или пропагандой.

Ришелье понимал, что никакие переговоры не принесут успеха, если руководство политикой и контроль за действиями послов не будут сосредоточены в одном министерстве. Он видел, что любое разделение ответственности про-

сто привело бы в замешательство как его собственные послы, так и тех, с кем они будут вести переговоры. До этого несколько различных министерств считали себя вправе вмешиваться в осуществление внешней политики и получать отчеты от французских послов. Декретом от 1 марта 1626 г. Ришелье возложил всю ответственность за ведение внешних сношений на министерство иностранных дел, которое он никогда не выпускал из своего поля зрения. Таким путем он добился того, что указания по вопросам внешних сношений давались только одним голосом а не хором противоречивых голосов. Этот полезный принцип сосредоточения ответственности в одних руках не всегда соблюдался его преемниками. Похоже, что он совсем не соблюдается в наше время.

2

Я назвал свою третью лекцию «Французская система». Если итальянцы задавали тон в дипломатии в XV и XVI столетиях, то в течение двух последующих столетий французы в свою очередь дали пример, которому последовали все другие европейские государства. Поскольку французское влияние на дипломатический метод стало господствующим во всем мире в период правления Людовика XIV⁹⁶ необходимо более или менее подробно рассмотреть дипломатический аппарат, созданный и до некоторой степени улучшенный в течение этих 70 лет.

При Людовике XIV государственный секретарь по иностранным делам являлся постоянным членом кабинета или Conseil d'Etat. Он назначался королем обычно с учетом его опыта дипломатической работы и занимал свою должность до тех пор, пока это было угодно королю. Часть его функции вмешивалось министерство финансов, точно таким же образом, как в наше время премьер-министры или министры финансов проявляют слишком большой интерес к делам иностранной службы. Обязанностью государственного секретаря, хотя бы номинально, был прием иностранных послов в Париже и руководство французскими послами за границей. Но иногда король сам принимал иностранных послов, не приглашая государственного секретаря присутствовать на аудиенции. Еще чаще король посылал письма французским послам, забывая при этом информировать государственного секретаря о том, что он писал. Людови-

IV при всей полноте своей власти все же не игнорировал мнения своих министров. Хотя он и определял повестку дня заседаний кабинета и всегда имел последнее слово во всех делах, он внимательно выслушивал мнения министров даже благосклонно воспринимал критические замечания. Прежде чем давать аудиенции иностранным послам, он заботился о том, чтобы своевременно получать памятные письма от министерства иностранных дел, которые подсказывали ему, каких вопросов следует избегать в эсде. В таких случаях он бывал тактичен и осторожен, нет никаких документальных свидетельств о том, что он когда-либо навязывал своему министру иностранных дел какой-либо невозможный курс действий или обязательства. И все же даже Людовик XIV время от времени проводил секретные переговоры за спиной своих министров, хотя такие переговоры обычно ограничивались обсуждением семейных и династических дел. Но при последующих эролях эти «секреты короля» и «секреты императора» выжвали ужасную неразбериху во французской дипломатии.

Государственный секретарь возглавлял небольшое ведомство по иностранным делам, состоящее из нескольких клерков, переводчиков и шифровальщиков, которые назначались лично государственным секретарем и освобождались со своих постов, когда их покровитель умирал или эрял благосклонность короля. Из мемуаров Бриена мы знаем, что однажды в 1661 году весь персонал министерства иностранных дел был вызван в Венсенский дворец. Бриен-старший⁹⁷ отправился в мягком экипаже, Бриен-младший⁹⁸, сопровождаемый двумя старшими клерками, ли *compis*, — в карете, а два младших клерка с запасом эршил и бумаги на случай необходимости отправились эрхом на лошадях. Не надо обладать особыми математическими способностями, чтобы установить на основе этого эсказа, что Кэ д'Орсе⁹⁹ той эпохи состояло из пяти сорудников.

Французская дипломатическая служба, однако, была то время наиболее разветвленной по сравнению с любой ругой страной. К 1685 году Франция располагала погоянными посольствами в Риме, Венеции, Константинооле, Вене, Гааге, Лондоне, Мадриде, Лиссабоне, Мюнхее, Копенгагене и Берне. Специальные миссии находились Вюртемберге, Пфальце и Майнце, а министры-резиденые — в Мантуе, Генуе, Гамбурге, Женеве и Флоренции.

Эти многочисленные представители делились на категории чрезвычайных послов, ординарных послов, посланников и резидентов. В последующие годы стали считать униженным иметь ранг просто «ординарного» посла, и все послам был присвоен титул «чрезвычайных», несмотря на то что этот эпитет полностью потерял свое значение. Лкдовик XIV неохотно привлекал духовных лиц к дипломатической службе, поскольку, по его мнению, они слишком легко поддавались влиянию Ватикана. И все же возникало старое затруднение в связи с тем, что видные люди не стремились к службе за границей из-за связанных с этим расходов. Поэтому укоренилась практика подбирать посланников не из рядов старой придворной знати, а из числа «людей в мантии» — лиц юридической профессии. Возникла идея что представителей старой знати следует посылать в Рим, Мадрид, Вену и Лондон, в то время как в Швейцарию, Голландию и Венецию могут направляться обычные чиновники. Послы занимали свои посты по меньшей мере три или четыре года, за исключением случаев, когда они показывали свою явную непригодность или проявляли дух неподчинения. В случае смерти своего суверена или суверена, при котором послы были аккредитованы, им давали новые верительные грамоты. Если в момент объявления войны посол еще находился на своем посту, он подвергался до своего отъезда большим неприятностям, в частности его багаж почти всегда разворовывался.

В течение длительного периода, когда Франция диктовала нормы дипломатического метода, придавалось большое значение письменным «инструкциям», которые давались послу перед его отъездом к месту назначения. Эти документы, составлявшиеся в самой изысканной манере, содержали не только указания о политике, которой следовало придерживаться послу, но и полное описание политических условий, существовавших в стране его назначения. К этому добавлялись тонкие и часто саркастические замечания о происхождении, карьере и характерах тех государственных деятелей и коллег из дипломатического корпуса, с которыми ему придется вести переговоры. Так министр, как Вержен¹⁰⁰, посвящал часы вдохновенно труда составлению инструкций, остающихся и по сей день образцами классической прозы. В то время как с годами французские министры все более и более опьяняли формулами логики изложения, эти инструкции переро-

ались в изящнейшие литературные упражнения. В 1774 году, например, «меморандум инструкций г-ну барону де ретейль, направляющемуся в Вену в качестве чрезвычайного посла», составил целый том, разделенный на пять гдельных глав, описывающих положение во всей Европе содержащих указания о политике, которой следовало ридерживаться не только в отношении Австрии, но и в отношении каждой европейской страны. Более того, эти инструкции содержали отдельные стандартные разделы, ризывавшие послов во имя религии и морали «ничего не обавлять к правде» в своих депешах.

Французские дипломатические традиции всегда придали большое значение стилю. И по сей день депеши и ноты французских послов не имеют себе равных по ясности и чности изложения. Кроме того, французский язык, ставший общепринятым дипломатическим языком в течение VII и XVIII столетий, более других был приспособлен беседам, требующим предельного сочетания вежливости точности. И все же представляется опасным для правильственных служащих придавать слишком большое значение красотам литературного стиля, поскольку такое злечение может привести их и стоящих над ними должстных лиц к ложному выводу, что чем изящнее и красивее выражена мысль, тем она правильнее и умнее. В нашей обственной заграничной службе, к счастью, на беллетристов всегда смотрели вполне дружелюбно, хотя и с некоторым пренебрежением и сомнением.

Инструкции, которые давались французскому послу, держали также определенные указания по вопросам этиэта, старшинства и церемониала, на осуществлении которых он должен был настаивать, равно как и указания о том, с какими людьми ему следовало поддерживать знамство. Так, в инструкциях, врученных в 1712 году герргу д'Омону, послу в Лондоне, имеется фраза: «Соасно английской конституции, послам при Сентджемском юре¹⁰¹ не воспрещается сноситься с оппозицией. Поэтому рцогу д'Омону не следует отвергать общество вигов»¹⁰².

Часто в инструкциях содержался текст верительных амот вместе с несколькими рекомендательными письмами, дписанными государственным секретарем и адресованными тем или иным видным людям. К инструкциям прилались два шифра — один для обычной, а другой для особо жретной переписки. Послу вменялось в обязанность хра-

нить шифры для особо секретной переписки в своем личном сейфе.

Персонал посольства набирался и оплачивался самим послом. Его секретари и атташе подбирались из круга его собственной семьи и друзей и часто совершенно не годились для выполнения своих функций. В 1712 году г-н де Торси¹⁰³, разуверившись в дилетантских методах французской заграничной службы, организовал небольшую политическую академию для обучения шести молодых дипломатов, которых называли «люди правительства» («les messieurs du cabinet»). Этот опыт успехом не увенчался, и академия просуществовала не более шести лет.

По соображениям личного и национального престижа послам приходилось брать с собой много бесполезных людей. Так, Пьер де Жирарден, прибывший в качестве посла в Константинополь в 1686 году, взял с собой «15 джентльменов», 2 секретарей, фрейлину для жены, дворецкого и менее 60 слуг, включая 10 музыкантов. Послы должны были везти с собой всю мебель, картины, посуду, ковры и были обязаны по прибытии на место за собственный счет снять дом для посольства. Путь к месту назначения обремененным всем этим послом был опасным и длительным. Одно французскому послу потребовалось два с половиной месяца непрерывного путешествия, чтобы добраться из Парижа в Стокгольм. Нетрудно понять, что честь назначения в отдаленную страну принималась без всякого энтузиазма, и во многих случаях королю приходилось оказывать меры принуждения.

Не вызывает удивления, что в условиях столь длительного влияния могучей личности Кольбера¹⁰⁴ стало приобретать значение экономическим вопросом. Послам приходилось делать все возможное для содействия французской торговле. Торговля с Левантом расценивалась так высоко, что посол в Порте¹⁰⁵ часто назначался не министром иностранных дел, а министром финансов и торговли. Перед тем как покинуть Францию он был обязан проконсультироваться с торговой палатой Марселя и уделять большое внимание ее требованиям и рекомендациям. Больше того в начале XVII столетия было создано нечто вроде левантской консульской службы с собственным штатом студентов-переводчиков, которых называли «молодые ливисты» («les jeunes des langues»). Французские консулы в Леванте посылали свои отчеты не министру иностранных

дел, а адмиралтейству. В их ведении находились французские торговые склады, или «scalas», на территории всего Леванта, и они приобрели значительное политическое влияние.

Так была поставлена французская заграничная служба в XVII столетии. Остается рассмотреть положение иностранных дипломатов в Париже и методы заключения договоров.

Нам может показаться странным, что в XVII столетии не было принято заранее получать согласие, или агреман, иностранного монарха или правительства до отправления посла. Правда, имя нунция, которого папа собирался послать в Париж, обычно сообщалось в предварительном порядке Людовику XIV для одобрения. Похоже, однако, что в остальных случаях человек появлялся без уведомления. Поэтому Людовик XIV был весьма раздражен, когда в 1685 году в Париж прибыл с верительными грамотами британского посла сэр Уильям Трамбулл, который, по свидетельству Пеписа¹⁰⁶, не являлся «персоной грата»¹⁰⁷ ни в одной компании. Более того, великий монарх имел обычай выказывать свое личное расположение или неприязнь в отношении послов или их суверенов, варьируя порядок приема и церемоний. Между тем даже в то время существовало должностное лицо вроде маршала дипломатического корпуса, но любые тщательно продуманные и заранее согласованные планы этого чиновника, представлявшего послов королю, могли быть пересмотрены в последний момент самим сувереном. Когда, наконец, заканчивалось согласование всех подробностей официального представления и приема, посол и его сотрудники на какой-то период времени размещались в «Отеле послов» на улице де Турнон и совершали официальные визиты. Однако иностранные послы не допускались на ежедневные церемонии в Версале, и считалось за удачу, если они могли перехватить монарха в то время, когда он возвращался с воскресной мессы. Им также не предоставлялись резервированные места на дворцовых банкетах и концертах. Когда как-то в 1698 году король попросил герцога Портландского поддержать его ночную свечу, то во всех канцеляриях Европы этот эпизод вызвал отклики как весьма значительное, а может быть, и знаменательное событие.

Будучи человеком умным и рассудительным, Людовик XIV относился с неодобрением к дипломатии путем

конференций. Он полагал, что это был медленный, дорогостоящий и обременительный метод переговоров, и предпочитал ему конфиденциальные переговоры между экспертами. «Открытые переговоры,— писал он,— заставляют стороны думать о своем престиже и отстаивать достоинство, интересы и доводы своих суверенов с излишней неукоснительностью. Они также мешают сторонам принимать в расчет зачастую более разумные аргументы, вытекающие из самой обстановки». Разумеется, он имел в виду, что гораздо легче идти на уступки в доверительной беседе, чем в присутствии многих наблюдателей за круглым столом. Людовик XIV твердо придерживался мнения, что легче предотвратить ухудшение международных отношений, если этим делом будет заниматься небольшое число профессионалов. Поэтому если он и разрешал парламенту Парижа и местным парламентам регистрировать и издавать заключенные им договоры, то он считал этот процесс, так сказать, только нотариальным. Само собой разумеется, что он был бы глубоко шокирован, если бы кто-либо из членов парламента осмелился высказать свое мнение по этому вопросу. Он считал непреложным принципом, что переговоры должны быть по возможности наиболее секретными. А ведь бывали дипломатические принципы и похуже.

3

Я не хочу сказать, что внешняя политика, проводившаяся Людовиком XIV после смерти Мазарини¹⁰⁸ в 1661 году и до заключения Утрехтского мира¹⁰⁹ в 1713 году, должна служить примером для будущих государственных деятелей. Эта внешняя политика руководствовалась принципами и побуждениями, которые не находят одобрения у историков. Я только хочу сказать, что от прихода Ришелье к власти в 1616 году и до самой революции, то есть в течение более чем 160 лет, французские методы дипломатической работы были образцом для всей Европы и что в условиях господствовавших в то время идей и обстоятельств это были отличные методы.

Основываясь на опыте этих методов, Франсуа де Кальер¹¹⁰ написал свой выдающийся труд «О ведении переговоров с государями», впервые опубликованный в 1716 году и оставшийся по сей день лучшим из когда-либо написан-

ных пособий по дипломатии. Мы рассмотрим эту работу несколько подробнее.

Франсуа де Кальер, родившийся в Ториньи в 1645 году, был сыном одного из генералов Людовика XIV и служил вначале в качестве секретного агента, а затем аккредитованного представителя в Нидерландах, Германии и Польше. Как полномочный министр он представлял Францию при заключении Рисвикского мира¹¹¹. После этого он был назначен секретарем кабинета министров. Таким образом, это был человек с большим практическим опытом, и его мысли об искусстве переговоров заслуживают уважения.

Де Кальер полностью отклонял теорию, что целью дипломатии является обман. Напротив, он утверждал, что серьезная дипломатия основывается на доверии и что в свою очередь доверие может явиться только результатом доброй воли. Разрешите мне процитировать соответствующие разделы его замечательной книги:

«Дипломат,— пишет он,— должен помнить, что доверие строится на открытой политике. Он должен свободно делить со всеми любую информацию, за исключением той, которую он должен держать при себе в силу своего долга... Хороший дипломат никогда не поставит успех своей миссии в зависимость от обмана или от обещаний, которые он не может выполнить. Существует широко распространенное и в то же время целиком ошибочное мнение, что умный дипломат должен быть мастером в искусстве обмана. В действительности коварство может служить лишь мерой узости взглядов того лица, которое прибегает к нему. Коварство доказывает, что это лицо не обладает достаточной гибкостью ума, чтобы добиваться успеха справедливыми и разумными средствами. Честность в дипломатии, как и в других делах, — самая лучшая политика. Ложь всегда оставляет на своем пути капли яда, и даже наиболее блестящие дипломатические успехи, достигнутые обманом, покоятся на шатком основании, поскольку они оставляют у побежденных чувство негодования, желание отомстить и ненависть, остающуюся источником опасности... Применение обмана в дипломатии весьма ограничено природой самого обмана, поскольку нет более тяжкого проклятия, чем разоблаченная ложь. Не говоря уже о том, что ложь ниже достоинства посла, на практике она приносит больше вреда, чем пользы. Даже если ложь сулит

успех сегодня, то завтра она создает атмосферу подозрительности, которая сделает невозможными дальнейшие успехи. Таким образом, дипломат должен быть прямым и честным человеком, иначе ему не будут доверять».

Для Кальера хорошая дипломатия была сродни банковскому делу, поскольку она должна строиться на доверии, точно так же как банковское дело основывается на предоставлении кредита. «Задача переговоров,— пишет он,— заключается в том, чтобы привести в гармонию истинные интересы заинтересованных сторон». Как не должно быть места обману, так нельзя прибегать и к угрозам или давлению. Такое выражение, как «дипломатическая победа», никогда не должно применяться. Разрешите мне снова процитировать Кальера:

«Угрозы всегда наносят вред переговорам, поскольку они часто принуждают одну из сторон прибегать к крайним мерам, к которым она не обратилась бы, не будучи спровоцированной. Хорошо известно, что уязвленное тщеславие часто толкает людей на действия, которые они не стали бы предпринимать, исходя из трезвой оценки собственных интересов.

...Успех, достигнутый при помощи силы или обмана, покоится на шатком основании, и наоборот, — успех, основанный на взаимной выгоде, открывает путь к еще большим успехам в будущем. Посол должен добиваться успеха прямыми и честными путями. Если он пытается одержать верх хитростью или высокомерием, то он обманывает сам себя».

Де Кальер не только изложил эти отличные принципы переговоров, но и правильно определил специфические качества, которыми должен обладать дипломат. Я суммировал эти определения, используя его собственные слова:

«Хороший дипломат,— пишет он,— должен обладать наблюдательным умом, даром прилежания, быть чуждым забав и фривольных развлечений, обладать трезвым рассудком, видеть действительную сущность вещей и идти к цели кратчайшим и наиболее правильным путем, не путаясь в малозначимых тонкостях и хитростях.

Хороший дипломат должен обладать пронизательностью, которая поможет ему разгадывать мысли собеседника и по малейшим движениям его лица судить о его чувствах.

Дипломат должен обладать быстрым и уравновешенным

умом, уметь хорошо слушать, быть вежливым и обходительным. Он не должен добиваться репутации острослова и не должен настолько увлекаться спором, чтобы выдавать секретную информацию в стремлении оставить последнее слово за собой. Прежде всего хороший дипломат должен иметь достаточное самообладание, чтобы подавлять желание высказаться до того, как он обдумал то, что ему следует сказать. Он не должен впадать в ошибку, предполагая, что атмосфера таинственности, в которой секреты делаются из ничего, а ничтожные мелочи выдаются за дела государственной важности, означает нечто большее, чем затей недалекого ума. Он должен быть внимателен к женщинам, не теряя при этом головы. Он должен уметь создавать видимость достоинства даже в тех случаях, когда это очень трудно, но в то же время не должен впадать в неуместную чванливость. Смелость тоже является существенным качеством, поскольку робкий человек никогда не сумеет добиться успеха на секретных переговорах. Лицо, ведущее переговоры, должно обладать терпением часовщика и быть свободным от предвзятых представлений. Дипломат должен иметь спокойный характер, быть способным добродушно переносить общество дураков, никогда не предаваться пьянству, азартным играм, увлечению женщинами, вспышкам раздражительности и любым другим предосудительным настроениям и фантазиям.

Более того, дипломат должен изучать историю и мемуарную литературу, знать порядки и обычаи за границей и разбираться в том, где находится действительный источник власти в той или иной стране. Любое лицо, вступившее на дипломатическую службу, должно знать немецкий, итальянский и испанский языки, а также и латынь, незнание которой должно быть позором для любого сотрудника дипломатической службы, поскольку это общий язык всех христианских государств. Он должен также иметь познания в литературе, науке, математике и праве. Наконец, он должен быть гостеприимным. Хороший повар часто способствует примирению».

Разумеется, это — внушительный перечень полезных качеств и способностей. Вы заметите, что дар красноречия не фигурирует среди множества достоинств, венчающих идеального дипломата. Старое представление о после как об ораторе полностью исчезло, и только с возрождением де-

мократических методов дипломатии в XX веке дар красноречия, к сожалению, снова занял свое место в искусстве переговоров.

Уделив много места умственному и моральному вооружению идеального дипломата, Кальер переходит к рассмотрению дипломатического аппарата. Он разделяет дипломатов на четыре главные категории, а именно: послов, посланников, резидентов и депутатов, или комиссаров. Посол представляет своего суверена и имеет право на особые привилегии, такие как право оставаться в головном уборе в присутствии монарха и въезжать в своем экипаже во внутренний двор Лувра. Посланники представляют свои правительства, а не своих суверенов, и поэтому они обязаны снимать головной убор в присутствии короля и не совершать государственного въезда в столицу. Министры-резиденты рассматривались Кальером как низшие существа, а депутаты, или комиссары, которые представляли такие свободные города, как Гамбург и Любек, не могли, по его мнению, претендовать на дипломатические привилегии, поскольку они мало чем отличались от агентов торговых корпораций. Любопытно, что даже такой умный человек, как Кальер, все-таки утверждал, что французские послы должны располагать старшинством над послами других государств, включая Австрию, «в силу установившегося издревле права». Он был педантичным и старомодным в немногих случаях.

Как это часто бывает с людьми, отдавшими большую часть жизни своей профессии, Кальер не доверял дилетантам. Мудрый суверен, говорил он, должен набирать и обучать профессиональных дипломатических работников, стараясь подбирать молодых атташе не по фамильным связям, а по их достоинствам. «Непотизм¹¹², — писал он, — это истинное проклятие дипломатической службы». Лица духовного звания, по его мнению, не должны привлекаться к дипломатической службе, поскольку их нельзя направлять в нехристианские страны и нецелесообразно посылать в Рим. Солдаты не становятся хорошими дипломатами, поскольку посол должен быть человеком мира. Юристы, утверждает он, не приспособлены к дипломатической службе в силу своего умственного склада. «В общем, — пишет он, — юридическое образование порождает склонности и умонастроения, которые не вполне подходят для дипломатической работы». Лишь немногие люди, имею-

щие двойной опыт юриста и дипломата, станут возражать против этого заключения.

Избранный и подготовленный таким образом посол направляется к месту своего назначения. Первой необходимостью в этом случае, разумеется, является то, что он должен располагать полным доверием своего собственного правительства. Наилучший посол принесет мало пользы, если его советы не имеют веса в глазах собственного суверена или министра и если последние в свою очередь не будут посвящать его во все тайны своей политики и своих планов. Во-вторых, посол должен добиться расположения и доверия к себе в стране пребывания. Он должен не только заслужить своей честностью доверие официальных кругов, но и поставить себя так, чтобы быть принятым всем обществом в целом. Имея это в виду, он не должен критиковать местные условия. Напротив, он должен хвалить их и создавать впечатление, что он доволен своей жизнью. Он убедится в том, сколь полезно изучать историю, искусство и литературу страны пребывания, показывая тем самым, что он, иностранец и даже француз, может извлечь много полезного из изучения культуры этой страны. Он должен уметь распределять взятки и пособия с разбором и тактом. Он найдет, что зачастую полезно давать деньги таким малозначащим людям, как артистки балета или рядовые офицеры, которые имеют доступ к министрам и принцам и, как правило, обременены долгами. И все же послу ни в коем случае не следует лично расходовать секретные фонды, находящиеся в его распоряжении. Он должен оставлять всю работу такого толка младшим сотрудникам посольства, которым нужно иметь знакомства во всех слоях общества. Сам посол никогда не должен заниматься шпионажем или секретной деятельностью, не должен, за исключением, может быть, Англии и Голландии, общаться с членами оппозиции. Наконец, послу необходимо понимать, что существует такая вещь, как братство, или кастовость, дипломатического корпуса, и ему следует тщательно культивировать дружбу со своими коллегами, причем даже с теми, кто имеет более низкий ранг. «Посол,— пишет де Кальер,— по всей вероятности обнаружит, что его коллеги по дипломатическому корпусу в столице, где он проживает, могут быть полезны ему. Поскольку устремления всего дипломатического корпуса направлены на одну и ту же цель, а именно: разузнать обо всем

происходящем, возникает определенная общность интересов, в силу которой один коллега информирует другого о предстоящих событиях, о которых ему посчастливилось узнать».

Наконец, де Кальер поднимает вопрос, моральная сторона которого так часто встает перед честными дипломатами. Речь идет о том, может ли быть когда-либо оправданным отказ от выполнения инструкций, полученных ими от своих правительств. Он подразумевает, хотя и не говорит об этом со всей ясностью, что дипломат должен всегда выполнять инструкции, получаемые от его суверена или министра, поскольку им виден весь курс политики в целом, в то время как послу известны лишь условия, существующие в стране его пребывания. Но Кальер делает одно значительное исключение. Посол не должен подчиняться инструкциям, если они предписывают какие-либо действия «против законов Бога или справедливости». Так, он должен отказываться от организации убийств или даже от использования своего дипломатического иммунитета для покровительства или содействия революционерам, выступающим против суверена, при котором он аккредитован.

Таковы принципы и заповеди, рекомендованные еще в 1716 году Франсуа де Кальером. Я остановился на них столь подробно, поскольку ни один автор, не исключая даже Камбона¹¹³ или Жюссерана¹¹⁴, не дал столь ясного, столь полного и правильного определения хороших методов дипломатии.

4

Провозглашенные Кальером идеалы не сохранились в течение последующих лет. Во времена его молодости принцип равновесия сил олицетворял действительное равновесие, которое можно было назвать и справедливым равновесием между силой Австрийской империи и силой Франции. Он был свидетелем возникновения трех новых великих держав — Англии, России и Пруссии. Фридрихом Великим была возрождена старая итальянская теория переходящих комбинаций для достижения немедленных целей, и все же наиболее серьезный и длительный ущерб, который был нанесен дипломатической теории этим великим солдатом, заключался в том, что он дискредитировал превосход-

ную систему равновесия сил. До того времени эта система, по крайней мере номинально, была в основном оборонительной. Ее смысл был в том, чтобы сделать опасными любые попытки любой державы утвердить свое господство над Европой или покуситься на свободу других государств. Фридрих Великий¹¹⁵ превратил ее в агрессивную систему, в тайный сговор с целью грабежа, в систему, при помощи которой сильная держава могла бы прибрать к рукам владения более слабых государств. Следовавшие один за другим разделы Польши были несправедливыми не только сами по себе, но и по той причине, что они нанесли ущерб принципу равновесия сил. Потребовалось почти полстолетия и ряд ужасных войн, прежде чем участники Венского конгресса смогли восстановить равновесие сил в качестве действенного принципа внешней политики и образовать систему, которая сохраняла мир от большой войны на протяжении ста лет.

Кальер, умерший в 1717 году, был свидетелем и других важных событий и изменений. Утрехтский мир дал международное признание нашей революции 1688 года¹¹⁶, ознаменовав тем самым конец старой теории, гласившей, что интересы королей, даже их личные и фамильные интересы, тождественны интересам их народов. Суверены, которые по личным причинам желали проводить неприемлемую для их собственных народов внешнюю политику, должны были прибегать к доверительным и тайным действиям. Это привело в течение XVIII столетия к укреплению бессмысленной системы проведения двух дипломатий сразу — официальной и секретной. Официальная дипломатическая служба дублировалась секретной организацией, содержащей тайных агентов и авантюристов. Выдвигали довод, что такая система с улучшениями, произведенными во времена регентства аббатом Дюбуа¹¹⁷, обладала определенными преимуществами в силу того, что она порвала с застывшими старыми традициями и внесла свежую струю в так сказать застойные воды официальной дипломатии. И все же на практике она привела к многочисленным скандалам и неурядицам, наиболее вопиющим примером которых являлся случай с кавалером д'Эон¹¹⁸, и она подорвала ту дипломатическую определенность, без которой, как я уже говорил, немислимы серьезные переговоры. Так, Людовик XV¹¹⁹ писал маркизу де Бретейлью, официальному французскому пос-

лу в Москве: «Я понимаю Ваши затруднения в согласовании получаемых от меня инструкций с теми инструкциями, которые Вы получаете от министра иностранных дел». Даже лица, далекие от прямолинейности, присущей профессиональной дипломатической службе, вряд ли будут отрицать, что такая система дублирования может нанести только вред серьезным переговорам. Я готов зайти столь далеко, чтобы утверждать, что когда государство пытается проводить две внешние политики одновременно — а это представляет особый соблазн для деспотов и премьер-министров, — то дипломатия немедленно теряет всякую эффективность. Снова и снова со времен Демосфена и до дней Ллойд-Джорджа¹²⁰ и Невилля Чемберлена¹²¹ история преподавала нам этот, казалось бы, простой урок. Но я пришел к выводу, что политики, в отличие от дипломатов, не имеют времени для того, чтобы извлекать уроки из истории.

IV

ПЕРЕХОД ОТ СТАРОЙ ДИПЛОМАТИИ К НОВОЙ

1

До сих пор я говорил о трех видах дипломатического метода, а именно: о греческом, итальянском и французском. В этой последней лекции мы рассмотрим метод, который, по-видимому, можно было бы назвать «американским методом», но, поскольку американцы еще не открыли свою собственную систему, я предпочитаю применять выражение «переход от старой дипломатии к новой».

Под французским методом я подразумеваю теорию и практику международных переговоров, заложенную Ришелье, проанализированную Кальером и воспринятую всеми европейскими странами в течение трех столетий, предшествовавших переменам 1919 года. Я считаю этот метод наилучшим для осуществления сношений между цивилизованными государствами. Этот метод подразумевал вежливость и достоинство; он был систематическим и последовательным; он придавал значение знаниям и опыту; он учитывал реальное положение вещей; он почитал доверие, ясность и точность как необходимые условия для всяких нормальных переговоров. Те ошибки, безумства и преступления, которые накопились в течение этих трех столетий и которые дискредитируют старую дипломатию, если добраться до их источников, должны быть приписаны порочной внешней политике, а не ошибочным методам переговоров. Жаль, что плохие дела опорочили отличные методы, которые применялись для их свершения.

Обращая внимание на достоинства французского метода, я, разумеется, не предлагаю сдать на слом всю существующую практику и вернуться к системе XVIII или XIX веков. Условия, на которых основывалась старая дипломатия, более не существуют. И все же, признавая недостатки старой системы, вряд ли следует забывать достоинства, которыми она располагала. Повторяю, я не предлагаю, чтобы мы снова ввели старую дипломатию или даже подражали ей. Я говорю только о том, чтобы мы рассматривали ее объективно и с известной констатацией того, что метод переговоров был гораздо более эффективен, чем тот, которого мы придерживаемся теперь.

Разрешите мне поэтому рассмотреть пять основных характерных черт старой дипломатии.

Во-первых, Европа считалась наиболее важной из всех континентов. На Азию и Африку смотрели как на районы имперской, коммерческой и миссионерской экспансии. Возвышение Японии казалось исключительным явлением. Америка вплоть до 1897 года¹²² оставалась изолированной океанами и своей доктриной¹²³. Считалось, что никакая война не могла перерасти в большую войну, если в нее не вмешается одна из пяти великих держав. Таким образом, окончательное решение по вопросам мира и войны выносилось только в европейских канцеляриях.

Во-вторых, предполагалось, что великие державы более велики, чем малые державы, поскольку они располагали более широким кругом интересов, большей ответственностью и прежде всего большими деньгами и вооружениями. Малые державы подразделялись по своему значению в соответствии с их военными ресурсами, стратегическим положением, их ценностью как рынков сбыта или источников сырья, а также их ролью в поддержании равновесия сил. Категории эти были далеки от стабильности. Такие места, как Табаго или Санта-Лючия, некогда имевшие стратегическую ценность, потеряли все свое значение с изобретением парового двигателя. На каком-то этапе Египет или Афганистан, а затем Албания приобретали значение объектов англо-французского, англо-русского или славяно-тевтонского соперничества. В какой-то период Балтика, а в другом случае Балканы становились центром дипломатической активности. В течение этого периода малые державы оценивались согласно их роли в отношениях между великими державами. В то время редко бес-

покоились о том, что интересы малых держав, их мнения и еще менее того их голоса могут повлиять на политику, согласованную «европейским концертом»¹²⁴.

Эта аксиома влекла за собой третий принцип, сущность которого заключалась в том, что великие державы несли совместную ответственность за поведение малых держав и сохранение мира между ними. Этот принцип вмешательства, будь то на Крите или в Китае, считался общеприятным. Классическим примером совместного вмешательства великих держав Европы в спор между малыми державами была конференция послов, созванная в Лондоне в 1913 году, в период Балканских войн¹²⁵. Эта конференция, представлявшая собой последний, а равно и самый яркий пример старой дипломатии в действии, предотвратила перерастание конфликта малых держав в конфликт великих держав. Мы еще вернемся к рассмотрению этой конференции.

Четвертой характерной чертой, унаследованной от французской системы, было учреждение в каждой европейской стране профессиональной дипломатической службы по более или менее одинаковому образцу. Профессиональные дипломаты, представлявшие свои правительства в иностранных столицах, обладали сходным образованием, сходным опытом и сходными целями. Им был нужен один и тот же мир. Как замечал де Кальер еще в 1716 году, в их среде проявлялась тенденция к созданию своего рода корпорации независимо от национальной принадлежности. Как правило, они знали друг друга в течение многих лет еще по совместной службе в одной стране в годы ранней молодости, и, что бы там ни думали их правительства, они все видели цель дипломатии в сохранении мира. Эта профессиональная корпоративность была ценным подспорьем при переговорах.

Например, послы Франции, России, Германии, Австрии и Италии, которые под председательством сэра Эдуарда Грзя¹²⁶ сумели разрешить балканский кризис 913 года, представляли национальные устремления, сплывшиеся в клубок опасных и острых разногласий. И все же они были всецело убеждены в честности и благонамеренности друг друга, руководствовались общими профессиональными приемами и превыше всего желали предотвратить возникновение всеобщего конфликта.

Не вина старой дипломатии — а я конкретно имею в

виду профессиональных дипломатов довоенного периода, — если превосходство Европы рухнуло с началом первой мировой войны. Несчастье заключалось в том, что советы этих мудрых людей были отвергнуты в Вене и Берлине, что их услугами не воспользовались и что ход событий оказался под контролем других, не дипломатических влияний и интересов.

Пятой главной, характерной чертой старой дипломатии было правило, заключавшееся в том, что серьезные переговоры должны быть длительными и конфиденциальными. Это существенно отличается от принципа, на котором строятся начиная с 1919 года созываемые повсеместно открытые конференции. Когда послу, находящемуся в иностранной столице, давалось указание вступить в переговоры о заключении договора с правительством, при котором он был аккредитован, он уже заранее располагал определенным активом. Он знал людей, с которыми предстояло вести переговоры, и мог заранее оценить их сильные или слабые стороны, их надежность или противоположные качества. Он был полностью информирован о местных интересах, настроениях или намерениях, о тех подводных камнях и мелях, среди которых ему предстояло маневрировать. Его частые встречи с министром иностранных дел не привлекали к себе особого внимания со стороны общественности, поскольку они воспринимались как обычные визиты. Так как эти беседы носили доверительный характер, они могли оставаться одновременно содержательными и вежливыми, а в связи с тем, что они были конфиденциальными, можно было не опасаться, что публика будет ждать от них слишком многого еще до их завершения. Любые переговоры состоят из определенных стадий и окончательного результата. Если эти стадии становятся предметом публичного спора, когда еще не достигнут окончательный результат, переговоры почти наверняка обречены на провал. Переговоры представляют собой уступки и встречные уступки. Если о сделанной уступке станет известно до того, как публика узнает, что за нее будет получена встречная уступка, может возникнуть такое сильное возмущение, что это приведет к прекращению переговоров. О том, насколько необходимо соблюдение тайны при переговорах, наиболее энергично высказался г-н Жюль Камбон, по-видимому, лучший профессиональный дипломат своего времени. «Когда не станет секретности, — писа-

Камбон,— переговоры любого рода станут невозможными». Посол, ведущий переговоры о выработке договора по методам старой дипломатии, не был ограничен в сроках. Как его собственное правительство, так и правительство, с которым велись переговоры, имели полную возможность поразмыслить. Переговоры, зашедшие в тупик, могли быть прерваны на несколько месяцев, и это не влекло за собой крушения надежд или возникновения кривотолков. Достигавшиеся в конце концов соглашения не были поспешными импровизациями или пустыми формулами — это были документы, обдуманые и подготовленные с большой тщательностью. В качестве примера мы можем привести англо-русское соглашение 1907 года¹²⁷. Переговоры по его подготовке между русским министром иностранных дел и нашим послом в Санкт-Петербурге длились один год и три месяца. Ни на одной стадии этих затяжных переговоров не была допущена бестактность или нарушено доверие.

Таким образом, наиболее характерными чертами старой дипломатии являлись: а) концепция Европы как центра всемирного тяготения; б) идея, что великие державы, составлявшие «европейский концерт», имели больше значения и несли большую ответственность, чем малые державы; в) наличие в каждой стране подготовленной дипломатической службы, применявшей одни и те же приемы профессиональной техники; г) убеждение, что переговоры должны всегда быть процессом, а не эпизодом, и что на любой стадии они должны быть конфиденциальными.

Я надеюсь, что предпочтение, которое я отдаю профессиональным методам переговоров перед дилетантскими, не будет приписано только тому обстоятельству, что я сам был воспитан в традициях старой дипломатии. Мне хорошо известны многие несообразности, порождавшиеся этой системой. Аксиома, что все переговоры должны носить только доверительный характер, естественно, прививала вкус к секретности и поощряла самых уважаемых людей брать на себя обязательства, которые они не предавали гласности. Мы не должны забывать, что еще в 1914 году французская палата депутатов ничего не знала о секретных статьях франко-русского союза¹²⁸ или что сэр Эдуард Грэй (человек скрупулезной честности) не считал предосудительным скрыть от кабинета министров истинный характер военных соглашений¹²⁹, разработанных ге-

неральными штабами Франции и Англии. Доверительные переговоры, ведущие к принятию секретных обязательств хуже даже, чем та дипломатия по телевидению, в которой мы преуспеваем теперь.

Мне также известны специфические дефекты, которые могут с годами развиться у профессионального дипломата. Он так часто является свидетелем человеческого безрассудства или эгоизма, проявляющихся при самых разнообразных обстоятельствах, что может принять серьезные волнения за преходящие настроения и таким образом недооценить глубокие чувства, во власти которых могут оказаться целые государства. Он так привыкает делать различие между осведомленными и неосведомленными людьми, что забывает о том, что последние составляют огромное большинство и в конечном счете диктуют исход дел. Он может заключить из практики, что миротворцем является только время, что второстепенные вещи не имеют значения, что важные проблемы разрешаются сами собой и что только ошибки могут иметь подлинные последствия. Он может также склониться к ложному выводу, что в общем-то самое умное (при всех обстоятельствах) — вообще ничего не делать. Он может быть бестолковым или самодовольным человеком, но никто не производит более угнетающего впечатления на окружающих, чем тип господина де Норпуа¹³⁰, или самодовольного дипломата. Он может быть слабохарактерным, склонным сообщать такую информацию, которая будет угодной начальству, а не ту, что отвечает истинному положению дел. Он может быть полным самомнения человеком — настоящим несчастьем для всех, кто с ним связан. И часто он теряет свой национальный характер—интернационализируется и, следовательно, становится бессодержательной личностью, элегантною пустышкой. О профессии, однако, нельзя судить по ее неудачам.

2

Мне доводилось сталкиваться с утверждением, что переход от старой дипломатии к новой начался за 100 лет до перемен 1919 года. По этой теории, перемену следует приписывать не вере президента Вильсона¹³¹ в идеал равенства или приверженности господина Ллойд-Джорджа к дипломатии путем конференций, а влиянию трех факторов, ко-

торые действовали уже давно, но стали оказывать максимальный эффект только с окончанием походов Наполеона. Первым фактором было стремление к колониальной экспансии, вторым — острая торговая конкуренция и третьим — улучшение средств связи. Каждый из этих трех факторов действительно оказал влияние на развитие дипломатических методов, но это влияние сказалось не столь быстро и было не столь глубоким, как это может показаться. Необходимо рассмотреть эти три фактора.

Как выяснили с опозданием наследники Людовика XIV, стремление к колониальной экспансии оказало глубокое воздействие на внешнюю политику, но это влияние на дипломатический метод не было столь важным. Принцип равновесия сил, который был доминирующим принципом в XVIII и XIX столетиях, удерживал государственных деятелей от стремления к непомерным территориальным приобретениям даже при наличии благоприятных условий. Так, в 1914 году, когда у нас была возможность аннексировать колониальные владения Франции и Нидерландов, Кестльри¹³² писал лорду Ливерпулю следующее: «У меня все еще есть сомнения относительно приобретения столь многих голландских колоний. Я уверен, что на континенте наша репутация силы, могущества и уверенности в себе значит для нас больше, чем приобретение, сделанное подобным образом». Конечно, можно сказать, что Кестльри не был империалистом и что стремление к образованию всемирной империи получило наибольшее признание только двумя поколениями позже. Достойный уважения принцип, который отстаивал Кестльри, разумеется, не послужил путеводной звездой в последовавшей позднее борьбе за Африку¹³³. Старая традиция равновесия сил и вытекающий из этой традиции дипломатический метод оказались нарушенными и скомпрометированными новыми и беспредельными аппетитами, вопиющим лицемерием, возросшим соперничеством и подозрительностью, и, как во времена разделов Польши, доктрина справедливого равновесия сил переродилась в сговор по дележу награбленного. Этот период империалистического авантюризма пришел к концу для нашей страны после отрезвляющего урока южноафриканской войны. Это правда, что борьба за Африку оказала больше влияния на политику, чем на методы переговоров. И все же в этот бурный период дедовские часы старой дипломатии полу-

чили такое сильное сотрясение, что никогда более не считывали время с прежней невозмутимостью.

Другой вопрос — какое влияние оказали промышленное развитие и борьба за рынки сбыта и сырья на старые приемы профессиональной дипломатической службы? Как я уже указывал при анализе венецианской системы и попыток Франции овладеть монополией на торговлю с Левантом, коммерческие расчеты и интересы оказывали все возрастающее влияние на внешнюю политику. Но лишь сравнительно недавно они вызвали изменения в методе дипломатических сношений. Даже в годы моей службы дипломаты старшего поколения считали совершенно недопустимым, чтобы германское правительство использовало свое посольство в Константинополе для приобретения концессий в пользу германских промышленников. Дело заключалось не только в том, что приверженцы старых традиций считали, что дипломатам не подобало заниматься вопросами торговли, — высказывалось опасение, что если к политическому соперничеству прибавится еще и торговая конкуренция, то и без того нелегкие задачи дипломатии усложнятся еще более. Они считали: пусть несколько купцов конкурируют между собой, так сказать, неофициально и не требуют какого-то особого содействия от своих посольств. Вполне возможно, что старые дипломаты сами сознавали свою беспомощность в такого рода технических вопросах, а потому и отстаивали эту точку зрения. С течением времени была создана сеть специальных учреждений или торговых представительств, которая принесла большую пользу всем заинтересованным сторонам.

Улучшение средств связи, конечно, во многом изменило старые методы переговоров. В прежние времена на отправку и получение ответных депеш уходили месяцы, и поэтому от послов ожидали, что они будут действовать по собственной инициативе и по собственному разумению во исполнение инструкций, полученных ими при отъезде. Некоторые послы пользовались этим, чтобы проводить свою личную политику. «Я никогда не получал инструкций, на чтение которых стоило тратить время», — писал лорд Малмсбери¹³¹. Лорд Стэффорд де Редклиф¹³⁵, посол в Константинополе, нес личную ответственность за Наварино¹³⁶, хотя и не за Крымскую войну¹³⁷, как это иногда утверждали. Другие высоко одаренные послы, такие как сэр Хью Эллиот¹³⁸ и сэр Генри Булвер¹³⁹,

додожили свзей независимостью, поскольку она позволяла им действовать по своему вкусу и усмотрению. Однако это были исключения. Большинство послов периода медленных средств связи настолько боялись превзойти свои инструкции или проявить инициативу, которая могла бы прийтись не по вкусу их правительствам, что предпочитали придерживаться абсолютно пассивной линии поведения. Они упускали одну возможность за другой и тратили свое время на составление блестящих отчетов о положении в стране пребывания, которое в корне менялось ко времени получения отчетов их правительствами.

В наши дни министр иностранных дел, не выходя из своего кабинета на Даунинг-стрит, может связаться по телефону с шестью послами в течение одного утра и может даже вполне неожиданно спуститься к ним с неба. Значит ли это, что дипломат нашего времени является не более чем клерком на другом конце телефонного провода? Такое представление было бы крайне примитивным. Посол всегда должен быть основным источником информации, и прежде всего толкователем политических условий, тенденций и настроений общественного мнения в стране пребывания. В каждом демократическом государстве, в каждом кабинете министров или тред-юнионе власть в каждый определенный период времени концентрируется в руках всего лишь трех или четырех человек. Никто, кроме аккредитованного в этой стране посла, не может так близко познакомиться с этими людьми или быть в состоянии оценить уменьшение или рост их влияния. Отчеты послов всегда должны учитываться правительством при вынесении решения о том, какая политика в настоящий момент выгодна и какая невыгодна. Именно в этом заключается самая главная и ответственная функция посла. Но посол также остается главным каналом связи между его собственным правительством и правительством, при котором он аккредитован. Только посол может решить, в какой момент и при каких условиях его инструкции могут быть выполнены наилучшим образом. Как отмечал Демосфен, во власти посла воспользоваться удобными обстоятельствами, и, следовательно, в его руках отчасти власть над событиями. Более того, посол является единственным посредником, который может объяснить одному правительству цели и мотивы другого правительства. Если он будет глуп, несведущ, тщеславен или нетерпелив, могут возникнуть

большие недоразумения и произойти нежелательные события. Исход важных дел может зависеть от того, какие связи он имеет и поддерживает во время своего пребывания на посту, от того, насколько ему доверяют в стране пребывания, и от его умения и такта даже в самых незначительных переговорах. Но и это не все. Посол должен обладать достаточным авторитетом в глазах своего правительства, чтобы иметь возможность отговорить его от курса действий, который, по его мнению, может оказаться пагубным в свете местных условий. Правительства, которые, несмотря на наличие телефона и самолета, позволяют себе роскошь содержать в иностранных столицах послов, к мнению и советам которых они не прислушиваются, напрасно тратят время и впустую расходуют государственные средства. Ни одна газета или банковская фирма ни в коем случае не пожелает быть представленной за границей человеком, к мнению которого она не питает доверия. Поэтому я не могу согласиться с тем, что улучшение средств связи привело к значительному уменьшению ответственности посла или в какой-то серьезной мере изменило характер его функций. Разрешите мне снова обратиться к словам г-на Жюля Камбона.

Он пишет: «Такие выражения, как «старая дипломатия» и «новая дипломатия», не отражают действительности. Только внешний вид или, если угодно, «внешние атрибуты» дипломатии изменяются. Существо остается неизменным, во-первых, потому, что неизменна человеческая природа; во-вторых, потому, что не существует другого пути к урегулированию международных разногласий и, наконец, потому, что наилучший инструмент, находящийся в распоряжении правительства, желающего убедить другое правительство, это — слово честного человека».

3

Нет, не телефон послужил причиной перехода после 1919 года от старой дипломатии к новой. К этому привело убеждение, что к международным делам применимы те же идеи и порядки, которые в течение ряда поколений рассматривались как либерально-демократическая основа внутренней политики.

После первой мировой войны проведение подобного

рода эксперимента стало неизбежным. С одной стороны, простые люди были убеждены в том, что массы во всех странах разделяют их отвращение к войне, и поэтому приписывали нарушение мира злонамеренности или безрассудству незначительного меньшинства, которое они хотели в будущем поставить под демократический контроль. С другой стороны, когда американцы заняли место главного партнера в коалиции, они принесли с собой недовольство европейскими порядками, недоверие к дипломатии и миссионерскую веру в равенство людей.

Президент Вильсон был идеалистом и к тому же (что, возможно, еще опаснее) законченным мастером английской прозы. Подобно Робеспьеру¹⁴⁰, он воображал, что существовала какая-то мистическая связь между его личностью и «народом», под которым он подразумевал не только американский народ, но и народы Великобритании, Франции, Италии, Румынии, Югославии, Албании и даже Германии. Если бы только он мог проникнуть за барьеры правительств, политиканов и чиновников и пролить свет своих откровений на простых крестьян Баната, пастухов Албании или докеров Фиуме, то разум, согласие и дружба распространились бы по всей земле. Более того, он умудрялся придавать обыденным идеям резонанс и убедительность библейских изречений и, как все мастера фразеологии, был сам зачарован силой и красотой придуманных им фраз. В течение долгих месяцев Парижской мирной конференции¹⁴¹ я наблюдал за ним с интересом, восхищением и беспокойством и пришел к убеждению, что он сам видел в себе не только государственного деятеля мирового значения, но и пророка, ниспосланного для того, чтобы дать свет всему темному миру. Наверное, именно по этой причине он совсем забыл об американской конституции и о сенаторе Лодже¹⁴².

Я не имею ни малейшего желания принижать личность президента Вильсона, который часто вдохновлял многих и сам был не чужд вдохновения. Он принял на свои плечи непосильный для одного человека груз ответственности и потерпел трагическое крушение. Если, однако, мы перечитаем произнесенные им в 1918 году громовые проповеди, то увидим в них ростки тех дремучих джунглей, которые в наше время затрудняют и делают почти невозможными ведение серьезных переговоров. Позвольте мне поэтому напомнить вкратце некоторые из «четырнадцати

пунктов»¹⁴³, «четырёх принципов», «четырёх целей» и «пяти уточнений».

Первый из «четырёх принципов», провозглашенных 8 января 1918 г., предусматривал, что в будущем должны заключаться только «открытые мирные договоры, обсужденные открытым путем», и что «дипломатия будет действовать откровенно и на виду у всех». По прибытии в Париж президент Вильсон сразу же решил, что под словом «дипломатия» он подразумевал не «переговоры», а только их результаты, то есть договоры. Он также решил, что выражения «обсужденные открытым путем» и «на виду у всех» были лишь иносказательными и не содержали ничего такого, что могло бы помешать его участию в длительных секретных переговорах с Ллойд-Джорджем и Клемансо¹⁴⁴ под защитой двух солдат американской морской пехоты, один из которых стоял с примкнутым штыком у двери кабинета, а другой прогуливался перед выходом в сад. Я хорошо помню, как, будучи впервые допущенным в секретную комнату, я был изумлен тем, как оригинально президент истолковывает первый пункт из собственных правил. Теперь, спустя много лет, я понимаю, что при тех обстоятельствах он воспользовался единственным методом, который мог привести к каким-либо результатам.

Широкая публика, однако, не имела аналогичной возможности проверить жизнеспособность проповедей президента при столкновении их с суровой действительностью международных отношений. Она полагала, что под словом «дипломатия» он подразумевал как политику, так и переговоры, и делала из этого вывод, что поскольку секретные договоры были явным злом, то переговоры также не должны быть секретными и должны проводиться «на виду у всех». Это, наверное, самое вопиющее заблуждение, которым мы обязаны президенту Вильсону.

Второй из «четырёх принципов», декларированных президентом месяц спустя, гласит, что система равновесия сил навсегда дискредитировала себя и что подчиненные народы должны получить свободу независимо от желаний других государств. В «четырёх целях», изложенных в июле того же года, он предвосхитил создание Лиги наций, которая была призвана установить, как он выразился, «царство закона, основанное на согласии управляемых и опирающееся на организованное общественное мнение человечества». Он не понимал, что публика не проявит инте-

реса к иностранным делам до тех пор, пока не возникнет критическое положение. Но тогда уж она будет руководствоваться не мыслями, а чувствами. Он не предвидел также, что невозможно создать одно и то же настроение у общественности в каждой стране одновременно и что сознание человечества окажется недостаточной опорой, если все средства информации попадут в руки диктатора. В «пяти уточнениях», провозглашенных 27 сентября, он утверждал, что Америка должна добиться создания такого мира, где суждения основываются на справедливости, которая «не делает предпочтения никому и не признает иного мерил, кроме равных прав для всех заинтересованных народов». Эта заповедь впоследствии была неверно истолкована как означающая, что не только права, но также мнения и голоса даже самых маленьких стран имели равную силу с правами, мнениями и голосами великих держав. Таким образом, идеал равенства между людьми был впервые истолкован как подразумевающий равенство между странами, что не соответствует действительности и порождает путаные идеи.

Если прочитать как единое целое все заповеди президента Вильсона, провозглашенные им в течение этих месяцев 1918 года, то они составят великолепный молитвенник. В них воплощены идеи, которые не могут быть неведомы или чужды кому бы то ни было. Несчастье заключалось в том, что широкая публика приняла эту доктрину не за прообраз желаемого совершенства, а за фактическое изложение американских планов. Так что, когда Америка отвергла своего собственного пророка, во всех странах между реалистами и идеалистами возникло прискорбное расхождение. Реалисты пришли к выводу, что вся доктрина Вильсона была сентиментальной ерундой, а идеалисты продолжали уповать на осуществление их идеалов. Поскольку последние составляли большинство, то стоявшие у власти государственные деятели попали в незавидное положение. Именно попытки примирить надежды многих с сомнениями меньшинства сделали столь очевидной порочность внешней политики в 20-летний период между 1919 и 1939 годами¹⁴⁵.

Устав Лиги наций был тем не менее весьма разумным документом, и если бы он неуклонно проводился в жизнь, то это вполне могло привести к установлению такого порядка, когда закон господствовал бы в отношениях между

государствами. Секретариат, созданный в Женеве лордом Пертом¹⁴⁶, представлял собой заслуживающее внимания новшество, и, если бы удалось сохранить атмосферу всеобщего доверия, этот секретариат с успехом заменил бы старую дипломатию в качестве аппарата для урегулирования споров. Беда заключалась в том, что этот благонамеренный эксперимент основывался на таком понимании человеческой природы, что если бы оно соответствовало действительности, то не понадобилась бы и сама Лига наций. Простые мирные граждане думали, что насилие можно обуздать, взывая к здравому смыслу доводами рассудка. Когда же они поняли, что на силу следует отвечать только силой, было уже слишком поздно. Такие старые системы власти, как равновесие сил, «европейский концерт» и согласие великих держав, оказались дискредитированными. Новая теория доводов рассудка спасовала именно перед тем, что не было разумным. Так старая система стабильности сменилась новой системой крайней неустойчивости.

Вы можете подумать, что, уделяя столько внимания новым идеям 1919 года, я нарушаю свой собственный принцип и смешиваю политику с переговорами, а теорию — с практикой. Вы можете возразить, что даже после того, как президент Вильсон надумал применить к международным отношениям принципы американской демократии, дипломаты продолжали невозмутимо плести старую паутину союзов и комбинаций, больших и малых антант, пактов и конвенций. И все же, я думаю, вы согласитесь, что в период, наступивший после войны 1914—1918 годов, дипломатический метод претерпел два важных изменения. Первое заключалось в отказе американской законодательной власти ратифицировать договор, согласованный и подписанный самим главой исполнительной власти США. Это, разумеется, было весьма значительным событием, которое нанесло тяжкий удар по святости соглашений и надежности переговоров. Второе изменение заключалось в усилении роли дипломатии путем конференций. Под этим я имею в виду не только такие специальные конференции *ad hoc*, как конференции в Спа¹⁴⁷, Каннах¹⁴⁸, Генуе¹⁴⁹, Лозанне¹⁵⁰, Стреза¹⁵¹ и др. Некоторые из этих конференций были необходимы, а другие — нет. Я имею в виду систему постоянных конференций, порожденную Лигой наций, а затем и Организацией Объединенных Наций. Эти конференции лишь в малой степени удовлетворяют сти-

хийное стремление к «открытой дипломатии». Зато они умаляют полезность профессиональных дипломатов. Порождая массу сенсаций, слухов и необузданных спекуляций и заодно поощряя политических деятелей к погоне за немедленными сенсационными и часто фиктивными результатами, они служат не уменьшению, а увеличению подозрительности и созданию именно того состояния несправедливости, против которого нацелен правильный метод дипломатических сношений.

Недостатки, а вернее неудачи, новой дипломатии увеличиваются теперь в такой степени, будто их проецируют на гигантский экран. Теория, что все государства равны, точно так же, как равны все люди, привела к закуливному сговору малых стран (как, например, азиатских и латиноамериканских стран), построенному на единственном объединяющем принципе, а именно на оппозиции даже разумным предложениям великих держав. Теория, гласящая, что «дипломатия будет действовать откровенно и на виду у всех», привела нас к трансляции переговоров по радио и телевидению и к подмене серьезного обсуждения бесконечными пропагандистскими речами, адресованными не партнерам по переговорам, а населению своей собственной страны. Вы обратили внимание, что в этих лекциях я почти не касался дипломатии Советского Союза. Г-н В. П. Потемкин¹⁵² в своей «Истории дипломатии» заверяет нас, что русские владеют мощным оружием, которым не располагает никто из их соперников, а именно «научной теорией марксизма-ленинизма». Я пока не заметил, чтобы эта теория улучшила международные отношения или чтобы советские дипломаты и комиссары создали какую-либо систему переговоров, которую можно было бы назвать дипломатической системой. Их деятельность в иностранных государствах и на международных конференциях внушительна, напориста, она вызывает тревогу. Я ни на минуту не преуменьшаю ни ее силу, ни ее опасность. Но это не дипломатия, это нечто другое.

Это, может быть, печальное заключение, но с моей стороны оно еще не является окончательным.

На мой взгляд, было бы ошибкой рассматривать дискуссии в Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН в качестве примера современного метода дипломатических сношений. Мы можем возражать против напрасной траты времени, энергии и средств. Мы можем сожалеть, что при

перенесении парламентских порядков на отношения между государствами в качестве образца берется не лучший тип парламента. Мы можем возмущаться тем, что обмен колкостями на этих форумах усугубляет напряженность и замешательство в нашем мире. И было бы ошибочным полагать, что эти дискуссии призваны служить целям переговоров. Они представляют собой упражнения в безудержной пропаганде и вовсе не задуманы как эксперимент в дипломатическом методе. Если переговоры и проводятся в Нью-Йорке, то вовсе не в стенах высокого здания на Ист-Ривер¹⁵³. Они проводятся в других местах, в соответствии с теми принципами вежливости, доверительности и такта, которые навсегда остаются единственными принципами, ведущими к мирному урегулированию разногласий.

Поэтому мы должны изучать не дипломатию при помощи громкоговорителя и не дипломатию оскорблений, поскольку противоречие заложено уже в самой комбинации этих слов. Надо разобраться, не влекут ли за собой вызванные к жизни президентом Вильсоном в 1919 году перемены повторения недостатков предшествовавших систем и не затруднили ли они достижение главной цели дипломатии, которая всегда заключается в создании международной устойчивости. Вудро Вильсон со своей академической интеллигентностью и миссионерским духом не понимал, что иностранные дела являются поистине иностранными и что цивилизация подобна не линотипу, а живой природе. Он считал, что все невзгоды обрушивались на человечество по вине государственных деятелей и экспертов и что «народ» всегда прав. Он не понимал, что весь народ трудно обманывать длительное время, но что легко обманывать его достаточно долго, чтобы погубить. Итак, если мы рассмотрим дипломатический метод, который, как мне кажется, вполне можно было бы называть «вильсоновским», или «американским», то мы обнаружим, что он лишен многих достоинств рассмотренных мной в этих лекциях систем и в то же время содержит многие из их недостатков, причем в увеличенном масштабе.

Главным недостатком демократической дипломатии греческих городов-государств были ее неопределенность и непостоянство. Это происходило не только потому, что их дипломатические миссии комплектовались из делегатов, которые предавали друг друга, но и потому, что окон-

чательные решения принимались Народным собранием, члены которого были несведущи, непоследовательны, поддавались влиянию момента и были подвержены чувствам неуверенности, тщеславия и подозрительности. Никакой дипломат не может достичь успеха, если нет достаточной уверенности в том, что его подпись будет уважаться его собственным сувереном. Если же ход и результаты переговоров подвергаются безответственному вмешательству или непризнанию со стороны Народного собрания или даже какой-либо комиссии конгресса, неопределенность увеличивается. Поэтому мое первое критическое замечание по поводу американского метода заключается в том, что он увеличивает неопределенность.

Недостатком метода итальянцев эпохи Возрождения было полное отсутствие долгосрочных целей и калейдоскопическая переменчивость неустойчивых комбинаций. Насколько я знаю, президент, государственный департамент, Пентагон и сенатская комиссия по иностранным делам могут быть единодушны в отношении поставленной цели, но они могут разойтись в оценке средств ее осуществления. Изменчивость дипломатического метода свидетельствует о беспринципности, а не о последовательности. Это вызывает печальную ассоциацию — ассоциацию с методом Макиавелли, к стыду великого добродушного гиганта.

Большое достоинство французской системы заключалось в создании единого центра, руководившего всей внешней политикой, и профессиональной службы экспертов, проводивших эту политику в жизнь. Несчастьем американской системы является то, что ни один иностранец и лишь немногие американцы могут знать в каждый определенный момент, кому же принадлежит первое и кому последнее слово, и хотя американцы в последние годы приступили к созданию хорошей профессиональной дипломатической службы, их эксперты еще не пользуются необходимым влиянием в глазах собственного правительства или общественности. Американские иллюзии равноправия или, если угодно, их «дух первооткрывательства» побуждает их питать к эксперту меньше доверия, чем к дилетанту. Нельзя приписать одной лишь старомодности мое убеждение, что дилетант в дипломатии подвержен излишней подозрительности. «Доверчивость,— как сказал мне однажды сэр Эдуард Грэй,— является в дипломатии гораздо меньшим недостатком, чем подозрительность».

Теперь, когда старая власть папы и императора, старая система «европейского концерта» и равновесия сил ушли в прошлое, можно лишь пожалеть о том, что американскому руководству не достает последовательности, убедительности и надежности. И все же я не проявляю пессимизма в связи с характером эволюции американского дипломатического метода. Я знаю, что американцы располагают большими достоинствами, чем какая-либо другая гигантская держава. Я знаю, что американцы с поразительной быстротой усваивают опыт других, хотя и делают при этом вид, что презирают уроки истории. И я полагаю, что принципы серьезной дипломатии, которые являются неизменными, в конце концов возьмут верх и внесут успокоение в тот хаос и всеобщее замешательство, которыми знаменуется переход от старой дипломатии к новой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чичили (1361—1443 гг.) — архиепископ Кентерберийский, английский теолог и дипломат.

² Пизанский собор католической церкви 1409 года был созван для преодоления раскола в католической церкви, во главе которой в то время оказались два папы. Кроме духовенства, богословов и правоведов на соборе присутствовали послы почти всех католических государств. Собору не удалось выполнить свою задачу — к двум прежним папам, не желавшим сложить полномочия, прибавился третий, выбранный собором.

³ Сигизмунд (1368—1437 гг.) — с 1411 года император Священной Римской империи германской нации.

⁴ Генрих V (1387—1422 гг.) — английский король с 1413 года.

⁵ Законы Ману — свод древнеиндийских предписаний о религиозных обязанностях индийцев. Трактуют также вопросы политики, права, торговли и военного дела. Складывались в течение I тысячелетия до н. э., но до нас дошла редакция законов Ману, относящаяся ко II веку до н. э.—II веку н. э. Названы по имени Ману — мифического родоначальника людей.

⁶ «Илиада» и «Одиссея» — поэмы Гомера, полулегендарного певца древней Греции. Предполагают, что эти поэмы явились плодом трудов многих поэтов и получили художественное оформление в VIII—VII веках до н. э.

⁷ Гермес — в греческой мифологии бог торговли и ремесел, а также воровства. Считался глашатаем верховного божества — Зевса и поэтому — покровителем послов, хранителем посольств. У римлян соответствующий бог — Меркурий.

⁸ Зевс — у древних греков верховный бог. В древнем Риме отождествлялся с Юпитером.

⁹ Имеется в виду Женевский протокол 1925 года о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств, подписанный в Женеве представителями 37 государств. Впоследствии к протоколу присоединились еще 11 государств, включая Советский Союз. Протокол был подписан, но не ратифицирован Соединенными Штатами.

¹⁰ Менелай — один из героев «Илиады», спартанский царь, муж Елены, похищенной сыном троянского царя Парисом. После похищения Елены Менелай и его брат, аргосский царь Агамемнон, собрали силы греков и отправились войной против Трои.

¹¹ Одиссей — герой «Илиады» и «Одиссеи», царь острова Итака. Принимал участие в войне против Трои на стороне греков. После разрушения Трои, при возвращении на родину, Одиссею пришлось пережить множество приключений, описанных в «Одиссее».

¹² Антимах — один из героев «Илиады», знатный троянец.

¹³ Приам — царь троянцев («Илиада»).

¹⁴ Скейские ворота — западные ворота Трои.

¹⁵ Бриан, Аристид (1862—1932 гг.) — политический и государственный деятель Франции. В 1909—1931 годах неоднократно занимал посты премьер-министра и министра иностранных дел. Один из авторов пакта Бриана—Келлога 1928 года.

¹⁶ Аякс — один из греческих героев, участвовавших в троянской войне («Илиада»).

¹⁷ Феникс — старец, учивший Ахилла красноречию и военному делу («Илиада»).

¹⁸ Ахилл — один из греческих героев, сражавшихся против троянцев. Согласно легенде, мать Ахилла окунула младенца в воды реки Стикса, окружавшие подземное царство теней умерших. Поэтому тело Ахилла стало неуязвимым для оружия, за исключением пяты, за которую его держала мать, окуная в воды подземной реки (отсюда выражение «ахиллесова пята») («Илиада»).

¹⁹ Мирмидоняне — воины ахейского племени, сражавшиеся под водительством Ахилла («Илиада»).

²⁰ Ил — властитель Эпира. Умел изготавливать смертельные яды, но отказался дать их Одиссею, желавшему иметь отравленные стрелы («Илиада»).

²¹ Херонея — город в Греции. В битве при Херонее в 338 году до н. э. войска греческой союзной лиги были разбиты войсками Филиппа II, царя Македонии.

²² Марафон — город в Греции. В битве при Марафоне в 490 году до н. э. афиняне и платейцы нанесли поражение войскам древнеперсидского царства.

²³ Музей Ашмоля создан английским собирателем предметов старины Элиасом Ашмолом в 1683 году при Оксфордском университете.

²⁴ Тимагор — афинский посол на переговорах с древнеперсидским царем Артаксерксом II (367 г. до н. э.). Впоследствии был обвинен в измене и приговорен к смерти.

²⁵ Артаксеркс II Мнемон (405—359 гг. до н. э.) — древнеперсидский царь. Вел длительную борьбу со Спартой.

²⁶ Демосфен (384—322 гг. до н. э.) — афинский оратор и выдающийся политический деятель, глава антимакедонской партии. Демосфен отстаивал принципы рабовладельческой демократии классического периода в борьбе против олигархических группировок, выступавших за подчинение Греции Македонии.

²⁷ Эсхин (около 390—314 гг. до н. э.) — политический деятель и оратор древних Афин, сторонник промакедонской олигархической группировки.

²⁸ Филипп II Македонский (около 382—336 гг. до н. э.) — царь древней Македонии с 359 года до н. э., видный полководец и дипломат. Установил свое господство над Грецией после ряда дипломатических маневров и победы над греческой союзной лигой в битве при Херонее в 338 году до н. э.

²⁹ Амфикионические советы — в древней Греции совещания союзных племен или городов (амфикионов), объединявшихся для защиты какого-либо наиболее почитаемого святилища. Наибольшее значение имела дельфийско-фермопильская амфикиония вокруг святилища Аполлона в Дельфах.

³⁰ Фукидид (около 458—400 гг. до н. э.) — крупнейший древнегреческий историк.

³¹ Геродиан (около 170—240 гг.) — греческий историк.

³² Римская империя — крупнейшее рабовладельческое государство со столицей в Риме, существовало с 30 года до н. э. по 476 год н. э. Охватывала большую часть Западной Европы, Северной Африки и Западной Азии. Нарастание противоречий внутри рабовладельческого строя, восстания рабов внутри государства и натиск варварских племен извне привели к гибели Римскую империю.

³³ Самниты — италийское племя, жившее в центральной части Апеннинского полуострова. В середине IV века до н. э. началась длительная борьба самнитов с римлянами за господство над средней Италией (самнитские войны), закончившаяся поражением самнитов.

³⁴ Кавдинское ущелье — название двух горных перевалов близ города Каудиум в Италии. В 321 году до н. э. в Кавдинском ущелье были окружены самнитами и сдались четыре римских легиона. По условиям договора, заключенного самнитами с захваченными в плен римскими военачальниками, войско отпускалось обратно, а Рим обязался покинуть владения самнитов. Этот договор римские военачальники подтвердили торжественной клятвой. В Риме договор был отвергнут, а участники клятвы выданы самнитам, которые, однако, отказались их принять.

³⁵ Регул, Марк Атилий — римский военачальник III века до н. э., консул (высшая государственная должность в древнем Риме). Согласно преданию, попал в плен во время войны с Карфагеном, но был отпущен под честное слово в Рим с поручением склонить римлян к миру. Несмотря на то, что Регул выступил в сенате за продолжение военных действий, он сдержал свое слово и вернулся в Карфаген навстречу мучительной казни.

³⁶ Карфаген — рабовладельческий город-государство на северном побережье Африки, затем (VII—II вв. до н. э.) рабовладельческая держава. Вел упорную борьбу с греками, затем с Римом. В 146 году до н. э. захвачен и разрушен римлянами. В I веке до н. э. был вновь восстановлен, но уже как римская колония.

³⁷ Гроций, Гуго (1583—1645 гг.) — голландский ученый, юрист и государственный деятель. Один из основоположников буржуазной теории «естественного права», систематизатор международного права. Наиболее известна его работа «О праве войны и мира».

³⁸ Коллегия фециалов — жреческая коллегия в древнем Риме, на которой лежала обязанность освящать религиозными обрядами объявление войны и заключение мира. Эти обряды совершались под руководством двух жрецов — «святого отца» («*pater patratus*») и «отца, несущего вербеновую ветвь» («*pater verbenarius*»).

³⁹ «Золотая ветвь» — общее название собрания сочинений (1890 г.) английского автора Дж. Фрэйзера по антропологии и религиозным культам. Упоминая об этом труде, Никольсон представляет себе, что совершавшиеся фециалами обряды имели только религиозно-культуовое значение.

⁴⁰ Беллона — древнегреческая богиня войны. В храме Беллоны в Риме сенат принимал послов.

⁴¹ Клавдий (родился в 10 г. до н. э.; умер в 54 г. н. э.) — римский император с 41 по 54 год.

⁴² Светоний Транквилл, Гай (около 70—160 гг.) — римский историк.

⁴³ Ливий, Тит (родился в 59 г. до н. э.; умер в 17 г. н. э.) — римский историк.

⁴⁴ Сословие всадников — в древнем Риме одно из привилегированных сословий, к которому принадлежали богатые люди незнатного происхождения: торговцы, ростовщики, откупщики налогов, выходцы из семей чиновников и военачальников, обладавшие имуществом не ниже определенного ценза.

⁴⁵ Югурта (родился около 160 г.; умер в 104 г. до н. э.) — царь Нумидии — древней страны в Северной Африке на территории современного Алжира.

⁴⁶ Рекуператоры — судьи, разбиравшие материальные претензии, которые могли возникнуть между римлянами и иностранцами.

⁴⁷ Вторая Пуническая война (218—201 гг. до н. э.) — одна из трех войн между Римом и Карфагеном. Первая Пуническая война происходила в 264—241 годах до н. э. Третья Пуническая война (149—146 гг. до н. э.) закончилась разгромом и уничтожением Карфагена.

⁴⁸ Цезарь, Гай Юлий (100—44 гг. до н. э.) — один из крупнейших государственных деятелей, полководцев и писателей древнего Рима. К концу жизни был единовластным диктатором Рима.

⁴⁹ Имеется в виду второй Аахенский мир 1748 года, которым закончилась так называемая «война за австрийское наследство», продолжавшаяся в течение шести лет, между Австрией, которую поддерживали Англия, Голландия и Саксония, и Пруссией и Францией, на стороне которых были также Испания и Бавария.

⁵⁰ Кейп-Бретон — остров у юго-восточного побережья Канады.

⁵¹ Византия — после разделения в 395 году Римской империи на две части стала самостоятельной Византийской или Восточной Римской империей со столицей в Константинополе. Просуществовала до 1453 года. Византия находилась в тесных сношениях со многими государствами и располагала весьма развитым государственным аппаратом.

⁵² Венеция — город в Италии, к IX—X векам Венеция сложилась как богатая и влиятельная торговая республика. Поддерживала обширные торговые и дипломатические отношения с государствами Европы и бассейна Средиземного и Черного морей, что способствовало развитию дипломатической техники.

⁵³ Константин VII Багрянородный (905—959 гг.) — византийский император с 913 года.

⁵⁴ Логофеты — одна из высших должностей в византийской чиновничьей иерархии.

⁵⁵ Никифор II Фока (912—969 гг.) — византийский император с 963 года.

⁵⁶ Оттон I (912—973 гг.) — первый император Священной Римской империи германской нации с 962 года.

⁵⁷ Синьория — орган исполнительной власти Венецианской республики во главе с дожем.

⁶⁸ Гвиччардини, Франческо (1483—1540 гг.) — итальянский историк и государственный деятель Флоренции и Ватикана. Главный труд — «История Италии», отражающий многие характерные черты политического быта средневековой Италии.

⁶⁹ Макиавелли, Никколо ди Бернардо (1469—1527 гг.) — итальянский мыслитель, дипломат, историк и писатель. Один из виднейших идеологов буржуазии периода зарождения капиталистических отношений. В 1498—1512 годах был секретарем Совета десяти, ведавшего военными и иностранными делами Флорентийской республики. В своих главных сочинениях — «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия», «История Флоренции» и «Государь» (или «Князь») — изложил принципы управления монархическим государством и методы борьбы за сильную диктаторскую власть, в которой он видел путь к объединению Италии.

⁶⁰ Медичи, Лоренцо (1449—1492 гг.) — правитель (тиран) Флоренции, поэт, прозванный «Великолепным» за широкое меценатство. Создал сложную систему тайных договоров с другими итальянскими государствами.

⁶¹ (Борджа) Борджиа, Родриго (1431—1503 гг.) — был папой с 1492 года под именем Александра VI. По характеристике К. Маркса, «чудовище разврата». Вместе с сыном Чезаре Борджиа добивались объединения Италии под своей властью, не брезгая такими средствами, как подкуп, обман и убийство.

⁶² Священная Римская империя германской нации — объединение феодальных государств Германии, а до второй половины XIII века — также Италии, просуществовавшее с 962 по 1806 год (формально). Императоры-германцы претендовали на роль «светского главы» всего христианского мира и вели длительную борьбу с папами за преобладающее влияние в Европе.

⁶³ Генуя — город в Италии. В X—XVIII веках — республика, управлявшаяся купеческой аристократией. Вела широкую торговлю со странами Средиземноморья, соперничая с Венецией.

⁶⁴ Оттоманский султан — турецкий султан по названию Оттоманской (турецкой) империи.

⁶⁵ Людовик XI (1423—1483 гг.) — французский король с 1461 года. Вел упорную борьбу с феодалами за укрепление королевской власти.

⁶⁶ (Борджа) Борджиа, Чезаре (родился около 1476 г.; умер в 1507 г.) — феодальный правитель средневекового итальянского герцогства Романьи с 1499 года, добивавшийся объединения Италии под своей властью, не брезгая никакими средствами. Макиавелли превозносил Чезаре Борджиа как совершенного государя.

⁶⁷ Карл V (1500—1558 гг.) — с 1517 года король испанский и с 1519 года — император Священной Римской империи германской нации.

⁶⁸ Филипп II (1527—1598 гг.) — испанский король.

⁶⁹ Генрих IV (1553—1610 гг.) — король Наварры, с 1589 года король Франции, первый из династии Бурбонов.

⁷⁰ Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831 гг.) — крупнейший представитель немецкой идеалистической философии конца XVIII — начала XIX века.

⁷¹ Трейчке, Генрих (1834—1896 гг.) — немецкий историк и публицист. Был идеологом и пропагандистом реакционного пруссачества, расизма и германской экспансии.

⁷² Медичи, Козимо-старший (1389—1464 гг.) — флорентийский банкир, с 1434 года стал полновластным властелином (тираном) Флоренции.

⁷³ Генрих VII (1457—1509 гг.) — английский король с 1485 года, основатель династии Тюдоров.

⁷⁴ Генрих VIII (1491—1547 гг.) — английский король с 1509 года.

⁷⁵ Бэкон, Фрэнсис (1561—1626 гг.) — выдающийся английский философ-материалист эпохи первоначального капиталистического накопления. При короле Иакове достиг поста лорда-канцлера. Основные философские труды — «Новый органон», «О принципах и началах», «Новая Атлантида».

⁷⁶ Коммин (Комин), Филипп, де (1445—1509 гг.) — французский историк и дипломат. Состоял на службе у герцога бургундского Карла Смелого, а затем перешел на сторону короля Франции Людовика XI, который сделал его своим ближайшим советником.

⁷⁷ Кромвель, Оливер (1599—1658 гг.) — вождь английской буржуазной революции XVII века. С 1653 года — лорд-протектор Англии.

⁷⁸ Никольсон явно преувеличивает. В начале XVII века в Москве действительно стремились изолировать приезжавших иностранных послов по крайней мере до представления их царю. Однако в течение XVII века режим пребывания послов в Москве был постепенно смягчен.

⁷⁹ Семибашенный замок — старинный замок «Эди Кюле» в Стамбуле. В XVII—XVIII столетиях в этот замок иногда заключали иностранных послов с целью оказать давление на их правительства.

⁸⁰ Мод-ла-Клавьер, Мари-Альфонс-Рэне, де (1848—1902 гг.) — французский историк. Автор ряда исследований по истории Западной Европы. Основной труд — «Дипломатия времен Макиавелли».

⁸¹ Никольсон имеет в виду отказ сената США от ратификации Версальского мирного договора 1919 года, завершившего первую мировую войну. Этот договор был выработан при непосредственном участии президента США Вильсона и подписан им.

⁸² Подеста — глава исполнительной и судебной власти в городах-республиках Италии XII—XVI веков.

⁸³ Капитуляции — неравноправные договоры, навязывавшиеся европейскими державами и США странам Востока под предлогом защиты христиан. Первоначально капитуляции представляли собой односторонние льготы, которые могли быть взяты назад соответствующим правительством, однако с середины XVIII века превратились в договорные обязательства. Согласно режиму капитуляций, подданные «христианских» держав пользовались такими привилегиями, как освобождение от юрисдикции местных судов и уплаты местных налогов. Великая Октябрьская социалистическая революция помогла странам Востока добиться упразднения капитуляций.

⁸⁴ Левант (итал.) — старое название восточного побережья Средиземного моря.

⁸⁵ «Consolato del mare» («Морской консулат») — средневековый сборник правил мореходства, применявшийся в бассейне Средиземного моря вплоть до XVIII века.

⁸⁶ «Tabula Amalphitana» («Амальфийские таблицы») — сборник морского права города Амальфи (в южной Италии). В течение дли-

тельного времени являлся одним из основных источников права в средиземноморском бассейне.

⁸⁷ Александр I (1777—1825 гг.) — русский император с 1801 года.

⁸⁸ Эдуард IV (1442—1483 гг.) — английский король с 1461 года.

⁸⁹ Венский конгресс европейских держав 1814—1815 годов завершил войны коалиции европейских держав с Наполеоном. Конгресс ознаменовался установлением реакции в Европе. 19 марта 1815 г. на конгрессе был принят «Регламент о дипломатических агентах», определивший некоторые организационные принципы дипломатической практики.

⁹⁰ Аахенский конгресс 1818 года — первый дипломатический конгресс реакционного так называемого Священного союза, в котором принимали участие Англия, Россия, Австрия, Пруссия и Франция. 21 ноября конгресс принял протокол, дополняющий положения венского регламента 1815 года об организационных принципах дипломатической практики.

⁹¹ Ришелье, Арман-Жан дю Плесси (1585—1642 гг.) — французский государственный деятель, кардинал, с 1624 по 1642 год занимал пост первого министра Людовика XIII и был фактическим правителем Франции.

⁹² Гекзаметр (греч.) — шестистопный стихотворный размер гомеровских поэм, перенесенный и в латинскую эпическую поэзию.

⁹³ Капелла, Марсианый — латинский писатель V века н. э., автор труда «Сатирикон», своего рода энциклопедии, пользовавшегося большой популярностью в средние века.

⁹⁴ Генеральные штаты — верховный орган Соединенных провинций — республики, образовавшейся на территории современной Голландии в 1579 году и с 1815 года ставшей частью королевства Нидерландов.

⁹⁵ Жозеф (отец Жозеф), Франсуа дю Трембле (1577—1638 гг.) — монах ордена Капуцинов, ближайший советник кардинала Ришелье.

⁹⁶ Людовик XIV (1638—1715 гг.) — с 1643 года король Франции.

⁹⁷ Бриенн (Ломени, де), Анри-Огюст (1595—1666 гг.) — министр иностранных дел Франции в 1643—1651 годах. Автор мемуаров.

⁹⁸ Бриенн (Ломени, де), Анри-Луи, известный как Бриенн-младший (1636—1698 гг.), — министр иностранных дел Франции в 1651—1663 годах. Автор книги воспоминаний, относящихся к первым годам правления Людовика XIV.

⁹⁹ Кэ д'Орсе — набережная реки Сены в Париже, на которой находится министерство иностранных дел Франции; принятое в западной литературе обозначение французского министерства иностранных дел.

¹⁰⁰ Вержен, Шарль-Гравье, де (1717—1787 гг.) — французский государственный деятель. С приходом к власти Людовика XVI стал министром иностранных дел.

¹⁰¹ Сентджемский двор — двор английских королей.

¹⁰² Виги — английская политическая партия, предшественница либеральной партии.

¹⁰³ Торси, Жан-Батист-Кольбер, де (1665—1746 гг.) — французский государственный деятель. В 1699—1715 годах был министром иностранных дел при Людовике XIV.

¹⁰⁴ Кольбер, Жан-Батист (1619—1683 гг.) — крупнейший французский государственный деятель, генеральный контролер при Людовике XIV. Деятельность Кольбера, проводившего политику меркантилизма, способствовала росту капиталистического уклада во Франции.

¹⁰⁵ Порта — принятое в европейских документах и в литературе обозначение правительства султанской Турции.

¹⁰⁶ Пепис, Сэмюэл (1633—1703 гг.) — английский автор, опубликовавший свои дневники.

¹⁰⁷ Персона грата (persona grata) — букв. приемлемое лицо.

¹⁰⁸ Мазарини, Джулио (1602—1661 гг.) — французский государственный деятель, кардинал. Премьер-министр с 1643 по 1661 год.

¹⁰⁹ Утрехтский мир 1713 года завершил так называемую «войну за испанское наследство», то есть за испанский престол, между Францией и Англией, выступавшей в союзе с Австрией и Голландией. Мир был невыгодным для Франции.

¹¹⁰ Кальер, Франсуа, де (1645—1717 гг.) — французский дипломат. Автор известного руководства по дипломатии «О ведении переговоров с государями» («De la manière de négocier avec les souverains»).

¹¹¹ Рисвикский мир 1697 года завершил войну 1688—1697 годов между Францией и европейскими державами, объединенными в так называемую Аугсбургскую лигу. Подписан в городе Рисвике (Голландия) Англией, Голландией, Испанией и Францией. По условиям этого мирного договора Франция отказалась от приобретений, сделанных накануне и во время этой войны.

¹¹² Непотизм (от итальянского *nepote* — племянник) — раздача доходных мест родственникам и близким.

¹¹³ Камбон, Жюль (1845—1935 гг.) — известный французский дипломат. С 1907 по 1914 год — посол в Берлине. Опубликовал книгу о дипломатии под названием «Дипломат».

¹¹⁴ Жюссеран, Жан (1855—1932 гг.) — французский дипломат и писатель, автор ряда исторических трудов. Был послом в Вашингтоне с 1902 по 1925 год.

¹¹⁵ Фридрих II (1712—1786 гг.) — с 1740 года прусский король. В дворянско-буржуазной историографии получил наименование Великого, ставил своей основной задачей укрепление дворянско-крепостнического государства.

¹¹⁶ Революция 1688 года в Англии, часто превозносимая буржуазными историками как «славная», «бескровная» и т. д. Эта буржуазная революция привела к значительному ограничению королевской власти и расширению полномочий парламента.

¹¹⁷ Имеется в виду регентство (осуществление полномочий главы государства) Филиппа Орлеанского во Франции во время малолетства Людовика XV в 1715—1723 годах. Дюбуа, Гийом (1656—1723 гг.) — французский государственный деятель, кардинал, член кабинета министров. Руководил внешней политикой Франции в годы регентства Филиппа Орлеанского (1715—1723 гг.).

¹¹⁸ Эон (кавалер д'Эон), Шарль (1728—1810 гг.) — французский политический агент и авантюрист. Известен тем, что проник ко двору императрицы Елизаветы Петровны, переодевшись в женское платье.

¹¹⁹ Людовик XV (1710—1774 г.) — французский король : 1715 года.

¹²⁰ Ллойд-Джордж, Дэвид (1863—1945 г.) — крупный английский политический деятель. С 1905 года занимал ряд министерских постов и к концу первой мировой войны стал премьер-министром. Ллойд-Джордж был сторонником антисоветской интервенции, однако в результате широкого движения протеста в Англии был вынужден маневрировать в этом вопросе.

¹²¹ Чемберлен, Невиль (1869—1940 г.) — английский политический деятель, лидер консерваторов. В 1937—1940 годах — премьер-министр. Проводил политику поощрения гитлеровской агрессии, стремясь направить ее против СССР.

¹²² По-видимому, имеется в виду испано-американская война 1898 года, развязанная США с целью захвата испанских колоний.

¹²³ Имеется в виду «доктрина Монро», провозглашенная президентом США Дж. Монро 2 декабря 1823 г. и устанавливавшая принцип невмешательства европейских государств в американские дела. В XIX веке, и особенно с началом эпохи империализма, США широко использовали «доктрину Монро» для захватов и интервенций в латиноамериканских странах.

¹²⁴ «Европейский концерт» — термин, подразумевавший номинальное сотрудничество пяти великих европейских держав — Англии, Франции, России, Австрии и Пруссии, начало которому было положено Венским конгрессом 1815 года.

¹²⁵ Балканские войны — 1-я Балканская война (октябрь 1912 — май 1913 г.) между опиравшимся на поддержку России Балканским союзом (Болгария, Сербия, Греция, Черногория) и Турцией; окончилась разгромом последней. 1-я Балканская война завершила освобождение балканских народов от турецкого ига. 2-я Балканская война (июнь—сентябрь 1913 г.) Болгарии против Греции и Сербии, к которым присоединились Румыния и Турция, привела к поражению Болгарии. Балканские войны вызвали обострение противоречий между великими державами, ускорив подготовку и развязывание первой мировой войны 1914—1918 годов.

¹²⁶ Грэй, Эдуард (виконт Фаллодон) (1862—1933 г.) — крупный английский политический деятель. Член парламента от либеральной партии с 1885 года. В 1905—1916 годах — министр иностранных дел.

¹²⁷ Англо-русское соглашение 1907 года предусматривало раздел сфер влияния России и Англии в Иране и Афганистане, а также признавало суверенитет Китая над Тибетом.

¹²⁸ Франко-русский союз — имеется в виду военно-политический союз между Францией и Россией, сложившийся в 1891—1893 годах. Создан в ответ на заключение так называемого «Тройственного союза» Германии, Австро-Венгрии и Италии. С заключением англо-французских и англо-русских военно-политических соглашений 1904—1907 годов франко-русский союз лег в основу «Сердечного согласия» (Антанты) Англии, Франции и России, завершившего окончательно размежевание великих держав перед первой мировой войной.

¹²⁹ Имеются в виду военные статьи секретных соглашений, заключенных между Англией и Францией перед первой мировой войной.

¹³⁰ Норпуа — персонаж из серии романов Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Норпуа — дипломат старой школы с представительной внешностью, но недалекий и «скучный, как дождь».

¹³¹ Вильсон, Вудро (1856—1924 г.) — президент Соединенных Штатов 1913—1921 годах, один из основателей Лиги наций.

¹³² Кестльри, Роберт-Стюарт (1769—1822 г.), — лорд, министр иностранных дел Англии в 1812—1822 годах.

¹³³ Южноафриканская война — Никольсон имеет в виду захватническую войну Великобритании против южноафриканских республик — Оранжевой и Трансвааля, то есть англо-бурскую войну 1899—1902 годов, завершившуюся превращением этих республик в английские колонии.

¹³⁴ Гаррис, Джеймс (лорд Малмсбери) (1746—1820 г.) — английский дипломат, занимавший многие посты, включая пост посла в Петербурге при Екатерине II.

¹³⁵ Каннинг, Стрэдфорд (виконт де Редклиф) (1786—1880 г.) — видный английский дипломат. Продолжительное время был послом в Константинополе. В 1832 году был назначен послом в Петербурге, но Николай I отказался дать ему агреман (согласие на назначение посла).

¹³⁶ Наварино — порт на юго-западе Греции. В 1827 году в морской битве в бухте Наварино турецкий и египетский флоты были уничтожены эскадрами России, Англии и Франции.

¹³⁷ Крымская война (1853—1856 г.) — война между Россией и коалицией четырех держав — Англии, Франции, Турции и Сардинии.

¹³⁸ Эллиот, Хью (1751—1814 г.) — английский дипломат. Посол в Вене с 1799 по 1801 год. Генерал-губернатор Индии с 1807 по 1813 год.

¹³⁹ Булвер, (лорд Литтон) (1831—1891 г.) — английский дипломат. В 1887—1891 годах был послом в Париже. С 1875 по 1880 год — генерал-губернатор Индии.

¹⁴⁰ Робеспьер, Максимилиан (1758—1794 г.) — выдающийся деятель французской революции конца XVIII века, глава революционного правительства якобинцев.

¹⁴¹ Парижская мирная конференция 1919 года выработала Версальский мирный договор, завершивший первую мировую войну, а также Статут Лиги наций. Конференцией руководили главы делегаций Франции, Англии и США — Клемансо, Ллойд-Джордж и Вильсон.

¹⁴² Лодж, Генри Кэбот (1850—1924 г.) — американский политический деятель, лидер республиканцев в сенате США с 1918 года. Возглавлял группу сенаторов, добившихся отклонения Версальского договора сенатом США.

¹⁴³ «Четырнадцать пунктов» президента Вильсона — империалистическая «программа мира», изложенная президентом США Вильсоном в послании к конгрессу 8 января 1918 г. Этот документ отражал стремление американских монополий к установлению мирового господства США за счет ослабления их союзников по первой мировой войне — Англии, Франции, Японии. Позднее Вильсон выступил с рядом дополнений и уточнений к «четырнадцати пунктам».

¹⁴⁴ Клемансо, Жорж (1841—1929 гг.) — крупный политический деятель Франции. Неоднократно возглавлял французское правительство. Версальский мирный договор был составлен под его непосредственным руководством. Клемансо был одним из главных организаторов интервенции против Советской России.

¹⁴⁵ Этой нарочито туманной фразой Никольсон явно пытается обелить политику правящих кругов Англии в период между первой и второй мировыми войнами, выразившуюся, в частности, в интервенции против Советской России, содействии в возрождении германского военного потенциала и в поощрении фашистской агрессии, с тем чтобы повернуть ее против СССР.

¹⁴⁶ Имеется в виду Секретариат Лиги наций. Лорд Перт — английский дипломат, генеральный секретарь Лиги наций в 1919—1933 годах.

¹⁴⁷ Спа — курорт в Бельгии. Здесь в 1920 году происходила конференция представителей союзных держав и Германии, на которой обсуждались вопросы о репарациях и разоружении Германии.

¹⁴⁸ Канны — город во Франции. Имеется в виду конференция верховного совета Антанты, а также Германии и наблюдателя от США в Каннах в 1922 году, созванная после полного поражения интервенции против Советской России. Явилась этапом в подготовке Генуэзской конференции 1922 года.

¹⁴⁹ Генуя — город в Италии. Здесь в 1922 году проходила международная конференция с участием большинства европейских государств по экономическим и финансовым вопросам. Конференция не разрешила стоявшие перед ней вопросы, однако участие в конференции советской делегации во главе с Г. В. Чичериным ознаменовалось крупной победой советской дипломатии: она добилась углубления раскола фронта империалистических держав, продемонстрировала перед всем миром миролюбивую политику Советского государства, добилась укрепления его международного положения.

¹⁵⁰ Лозанна — город в Швейцарии. Здесь в 1922—1923 годах происходила международная конференция по делам Ближнего Востока. Центральное место в работе конференции занял вопрос о Черноморских проливах, в обсуждении которого принимала участие советская делегация.

¹⁵¹ Стреза — город в Италии, в котором состоялась в 1932 году конференция 15 европейских государств по экономическим вопросам. Цель конференции заключалась в изыскании средств для выхода из экономического кризиса. Практического осуществления ее рекомендаций не нашли.

¹⁵² Потемкин Владимир Петрович (1878—1946 гг.) — советский историк, академик, видный государственный деятель. В 1937—1940 годах — первый заместитель народного комиссара иностранных дел. Руководил созданием коллективного труда «История дипломатии».

¹⁵³ Ист-Ривер — пролив, отделяющий остров Манхеттен (один из островных районов Нью-Йорка) от острова Лонг-Айленд. На набережной Ист-Ривер в Манхеттене находится штаб-квартира ООН.

Оглавление

Вступительная статья	3
I. Дипломатия Греции и Рима	33
II. Итальянская система	51
III. Французская система	70
VI. Переход от старой дипломатии к новой	89
П р и м е ч а н и я	107

Г. Никольсон

ЭВОЛЮЦИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО МЕТОДА

Редактор А. А. Осипов

Художественный редактор Л. М. Воронцова

Технический редактор Н. И. Романова

Корректор И. П. Красовитова

Сдано в набор 17/V 1962 г.

Подписано в печать 1/IX 1962 г.

Формат 84×108 ¹/₃₂ Физ. печ. л. 3,75. Усл. печ. л. 6,15.

Уч.-изд. л. 6,8 Тираж 23000 экз. Зак. 893

Цена 38 коп.

Издательство Института международных отношений
Москва, И-90, 4-я Мещанская, 7.

Полиграфический комбинат Ярославского совнархоза,
г. Ярославль, ул. Свободы, 97.

Отпечатано с готовых матриц в типографии им. М. Горького
Костромского облолиграфиздата, заказ 5902.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМО

выпускает

коллективный трехтомный труд
профессоров и преподавателей

Института международных отношений
«ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР.
1918—1961 гг.»

Впервые в советской научной литературе история международных отношений излагается так подробно и так последовательно. В издании использованы достижения советской и прогрессивной зарубежной исторической науки, а также новейшие документальные публикации.

Исследование отличается от ранее вышедших работ по вопросам международных отношений тем, что авторский коллектив освещает весь комплекс международных проблем в Европе, Америке, на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке. В специальных главах разбираются внешняя политика ставших независимыми стран Азии и Африки, проблемы межгосударственных отношений в Латинской Америке и т. д.

В центре внимания исследования — миролюбивая внешняя политика СССР.

В 1961 году вышел в свет первый том. В 1961 и 1963 годах соответственно выходят второй и третий тома.

По мере выхода в свет тома этого издания поступают в магазины Книготорга и потребительской кооперации.

ОФОРМЛЯЙТЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАКАЗЫ!
